

История человека-легенды,
гения русского сыска

РОМАН ДОБРЫЙ

ПУТИЛИН
И ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДЖЕК-ПОТРОШИТЕЛЬ

— Слово сыщика

Слово сыщика

Роман Добрый
**Путилин и Петербургский
Джек-потрошитель**

«АСТ»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Добрый Р.

Путилин и Петербургский Джек-потрошитель / Р. Добрый —
«АСТ», — (Слово сыщика)

ISBN 978-5-17-110786-4

Были ли у нас свои Шерлоки Холмсы, настоящие сыщики-полицейские с большой буквы? Конечно же, были! И среди них первое место по праву принадлежит гению русского сыска Ивану Дмитриевичу Путилину (1830—1893). Вошедшие в легенду приключения Путилина — русского Шерлока Холмса — были описаны в книгах Романа Лукича Антропова, творившего под псевдонимом Роман Добрый. В них, так же как и в зарубежной шерлокиане, повествование ведется от лица друга Путилина — доктора, который помогает расследовать дела. На страницах сборника повестей Романа Доброго читатель сталкивается и с бытовыми уголовными преступлениями, и с более изощренными криминальными сюжетами: здесь и кровавые убийства, и спруты-евреи, ведущие тайные дела, и пропавшие завещания, и роковые красавицы, и мошенники под видом призраков, и многое другое...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-110786-4

© Добрый Р.
© АСТ

Содержание

Квазимодо церкви Спаса на Сенной	5
Гроб с двойным дном	18
Ритуальное убийство девочки	34
Одиннадцать трупов без головы	49
Отравление миллионерши-наследницы	64
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Роман Добрый Путилин и Петербургский Джек-потрошитель

Квазимодо церкви Спаса на Сенной

Труп на паперти

Было около десяти часов утра.

Я в шлафроке сидел за кофе, как вдруг раздался звонок и в переднюю торопливо вошел любимый сторож-курьер Путилина.

– От Ивана Дмитриевича, спешное письмецо! – подал он мне знакомый синий конвертик.

Я быстро распечатал его и пробежал глазами записку:

«Дружище, приезжай немедленно, если хочешь присутствовать при самом начале нового, необычайного происшествия. Дело, кажется, не из обычных.

Твой Путилин».

Нечего и говорить, что через несколько минут я уже мчался на моей гнедой лошадке к моему гениальному другу.

– Что такое? – ураганом ворвался я в кабинет Путилина.

Путилин был уже готов к отъезду.

– Едем. Некогда объяснять. Все распоряжения сделаны?

– Все, ваше превосходительство! – ответил дежурный агент.

– На Сенную! – отрывисто бросил Путилин кучеру.

Дорогой, правда недалней, мой приятель не проронил ни слова. Он о чем-то сосредоточенно думал.

Лишь только мы выехали на Сенную, мне бросилась в глаза огромная черная толпа, запрудившая всю площадь. Особенно была она многочисленна у церкви Спаса.

– К церкви! – отдал отрывистый приказ Путилин.

– Па-а-ди! Па-а-ди! – громко кричал кучер. Проехать сквозь эту живую стену, однако, было не так-то легко. Того и гляди, чтобы кого-нибудь не задавить.

Но чины полиции, заметив Путилина, принялись энергично расчищать путь для нашей коляски.

– Осади назад! Назад подайся! Что вы, черти, прямо под лошадей прете? Расходитесь!

– Что случилось? – стояла передо мной загадка.

Мы остановились, вылезли из коляски. Толпа расступилась, образуя тесный проход.

Путилин быстро прошел им и остановился около темной массы, лежащей почти у самых ступенек паперти.

Тут уже находилось несколько должностных лиц: судебный следователь, прокурор, судебный врач и другие.

– Не задержал? – здороваясь с ними, проговорил Путилин.

– Нисколько. Мы только что сами приехали.

Я подошел поближе, взглянул, и неприятно жуткий холодок пробежал по моей спине.

На мостовой, лицом кверху, лежал труп красивой молодой девушки, одетой чрезвычайно просто: в черном пальто, в черной, смоченной кровью косынке. Откуда шла кровь, понять сначала было мудрено. Меня поразили только ее руки и ноги: они были раскинута в стороны.

– Следственный осмотр трупа уже произведен? – спросил я моего знакомого доктора.

– Поверхностный, конечно, коллега.

– И что вы обнаружили? – полуобернулся Путилин к полицейскому врачу.

– Девушка, очевидно, разбилась. Перелом спинного хребта, руки и ноги переломлены.

Картина такая, что девушка упала на мостовую с большой высоты.

Путилин поднял глаза вверх. Это был один момент.

– А разве вы не допускаете, доктор, что тут возможно не падение, а переезд девушки каким-нибудь ломовым, везшим огромную тяжесть? – задал вопрос судебный следователь.

Я вместе с моим приятелем-врачом производил осмотр трупа.

– Нет! – в один голос ответили мы. – Здесь, при этой обстановке, неудобно давать вам, господа, подробную мотивировку нашей экспертизы. Везите труп, мы еще раз осмотрим его подробно, произведем вскрытие, и тогда все вам будет ясно.

Толпа глухо шумела. Это был рев океана.

Народ все прибывал и прибывал. Несмотря на увещания полиции, нас страшно теснили.

В ту минуту, когда труп еще лежал на мостовой, к нему протиснулся горбун. Это был крохотного роста человек уродливого вида. Огромная голова, чуть не с полтуловища, над которой безобразным шатром вздымалась копна рыже-бурых волос. Небольшое, в кулачок, лицо. Один глаз был закрыт совершенно, другой представлял собой узкую щелку, сверкавшую нестерпимым блеском. Лицо его, точно лицо скопца, было лишено какой бы то ни было растительности. Несуразно длинные, цепкие руки, одна нога – волочащаяся, другая – короткая. Огромный горб подымался выше безобразной головы.

Это подобие человека внушало страх, ужас, отвращение.

– Куда лезешь? – окрикнул его полицейский.

– Ваши превосходительства, дозволейте взглянуть на упокойницу! – сильным голосом, столь мало идущим к его уродливо тщедушной фигурке, взволнованно произнес страшный горбун.

На него никто из властей не обратил внимания. Никто, за исключением Путилина.

Он сделал знак рукой, чтобы полицейские не трогали горбуна, и, впиваясь в лицо его, мягко спросил:

– Ты не знал ли покойной, почтенный?

– Нет... – быстро ответил урод.

– Так почему же ты интересуешься поглядеть жертву?

– Так-с... любопытно... Шутка сказать: перед самой церковью, и вдруг эдакое происшествие.

Путилин отдернул покрывало-холст, которым уже накрыли покойницу.

– На, смотри!

– О Господи!.. – с каким-то всхлипом вырвалось из груди уroda-горбуна.

Темно... Темно...

Мы долго с моим другом врачом возились над трупом.

Когда его раздевали, из-за пазухи простенькой ситцевой кофточки выпала огромная пачка кредитных билетов и процентных бумаг.

– Ого! – вырвалось у судебного следователя. – Да у бедняжки целое состояние... Сколько здесь?

Деньги были сосчитаны. Их оказалось 49 700 рублей.

Путилин все время ходил нервно по комнате.

– Ну, господа, что вы можете сказать нам? Кто она? Что с ней?

– Девушка. Вполне целомудренная девушка. Повреждения, полученные ею, не могли произойти ни от чего иного, как только от падения со страшной высоты.

– Но лицо-то ведь цело?

– Что же из этого? При падении она грохнулась навзничь, на спину.

Путилин ничего не ответил.

Следствие закипело.

Было установлено следующее: в семь часов утра (а по другим показаниям – в шесть) прохожие подбежали к стоявшему за углом полицейскому и взволнованно сказали ему:

– Что ж ты, господин хороший, не видишь, что около тебя делается?

– А что? – строго спросил тот.

– Да труп около паперти лежит!

Тот бросился и увидел исковерканную мертвую девушку.

Дали знать властям, Путилин – мне, а остальное вы знаете. Вот и все, что было добыто предварительным следствием. Не правда ли, много? Те свидетели, которые первыми увидели несчастную девушку, были подробно допрошены, но из их ясных, кратких показаний не пролился ни один луч света на это загадочное, страшное дело.

Правда, один добровольно и случайно явившийся свидетель показал, что, проходя после поздней вечеринки по Сенной, он слышал женский крик, в котором звучал ужас.

– Но, – добавил он, – мало ли кто кричит жалобно в страшные, темные петербургские ночи? Я думал, так, какая-нибудь гуляющая ночная бабенка. Много ведь их тут по ночам шляется. Сами знаете: место тут такое... Вяземская лавра... Притоны всякие.

– А в котором часу это было?

– Да так, примерно в пять утра, а может, позже.

Весть о происшествии быстро облетела Петербург. Толпы народа целый день ходили осматривать место страшного случая.

Целая рать самых опытных, искусных агентов, «замешавшись» в толпе, зорко приглядывались к толпе и внимательно прислушивались к их открытым речам.

Устали мы за этот день анафемски! С девяти часов утра и до восьми вечера мы с моим другом были на ногах.

В девять часов мы сидели с Путилиным за ужином. Лицо его было угрюмое, сосредоточенное. Он даже не притронулся к еде.

– Что ты думаешь об этом случае? – вдруг спросил он меня.

– А я, признаюсь, этот вопрос только что хотел задать тебе.

– Скажи, ты очень внимательно осмотрел труп? Неужели нет никаких знаков насилия, борьбы?

– Никаких.

– Нужно тебе сказать, дружище, – задумчиво произнес Путилин, – что этот случай я считаю одним из самых выдающихся в моей практике. Признаюсь, ни одно предварительное следствие не давало в мои руки так мало данных, как это.

– Э, Иван Дмитриевич, ты всегда начинаешь с «за упокою», а кончаешь «за здравие!», – улыбнулся я.

– Так что ты веришь, что мне удастся раскрыть это темное дело?

– Безусловно!

– Спасибо тебе. Это придает мне энергии.

Мой друг опять погрузился в раздумье.

– Темно... темно... – тихо бормотал он про себя. Он что-то начал чертить указательным пальцем по столу, а затем вдруг его лицо на еле уловимый миг осветилось довольной улыбкой.

– Кто знает, может быть... да, да, да...

Я знал привычку моего талантливового друга обмениваться мыслями с... самим собой и поэтому нарочно не обращал на него ни малейшего внимания.

– Да, может быть... Попытаемся! – громко произнес он.

Он встал и, подойдя ко мне, спросил:

– Ты хочешь следить за всеми перипетиями моей борьбы с этим делом?

– Что за вопрос!

– Так вот, сегодня ночью тебе придется довольно рано встать. Ты не посетуешь на меня за это? И потом – ничему не удивляйся... Я, кажется, привезу тебе маленький узелок...

Я заснул как убитый, без всяких сновидений, тем сном, который испытывают люди измученные, утомленные.

Сколько времени я спал, не знаю.

Меня разбудил громкий голос лакея и голос Путилина.

– Вставай, вот и я!

Я протер глаза и быстро вскочил с постели.

Передо мною стоял рваный «золоторотец». Худые, продранные штаны. Какая-то бабья кацавейка... Кругом шеи обмотан грязный гарусный шарф. Дико всклокоченные волосы космами спустились на сине-багровое лицо, все в синяках.

Я догадался, что передо мной – мой гениальный друг.

– Ступай! – отдал я приказ лакею, на лице которого застыло выражение сильнейшего недоумения.

– Постой, постой, – улыбаясь, начал Путилин, – ты не одевайся в свое платье, а вот не угодно ли тебе облачиться в то, что я привез тебе в этом узле.

И передо мною появились какие-то грязные отребья, вроде тех, которые были на Путилине.

– Что это?..

– А теперь садись! – кратко изрек Путилин. – Позволь мне заняться твоей физиономией. Она слишком прилична для тех мест, куда мы едем...

Среди нищей братии

Бум! Бум! Б-у-ум! – глухо раздавался в раннем утреннем промозглом воздухе звон большого колокола Спаса на Сенной.

Это звонили к ранней обедне.

В то время ранняя обедня начиналась чуть ли не тогда, когда кричали вторые петухи.

Сквозь неясный, еле колеблющийся просвет раннего утра можно было с трудом разобрать очертания черных фигур, направляющихся к паперти церкви.

То были нищие и богомольцы.

Ворча, ругаясь, толкая друг друга, изрыгая отвратительную брань, спешили сенновские нищие и нищенки скорее занять свои места, боясь, как бы кто другой, более храбрый, нахальный и сильный, не перехватил «теплого» уголка.

– О, Господи! – тихо неслись шамкающие звуки беззубых ртов стариков и старцев-богомольцев, крестившихся широким крестом.

Когда Путилин и я подошли к паперти, перейдя ее, и вошли в «сени» церкви, нас обступила озлобленная рать нищих.

– Это еще что за молодчики появились? – раздалась негодующие голоса.

– Ты как, рвань полосатая, смеешь сюда лезть? – наступала на Путилина отвратительная старая мегера.

– А ты что же, откупила все места, ведьма? – сирым голосом дал отпор Путилин. Теперь взбеленились все.

– А ты, думаешь, даром мы тут стоим? А? Да мы себе каждое местечко покупаем, ирод рваный!..

– Что с ними разговаривать долго! Взашей их, братцы!

– Выталкивай их!

Особенно неистовствовал страшный горбун.

Все его безобразное тело, точно тело чудовища-спрута, колыхалось порывистыми движениями.

Его длинные цепкие руки-щупальца готовы были, казалось, схватить нас и задавить в своих отвратительных объятиях.

Его единственный глаз, налившись кровью, сверкал огнем бешенства.

Я не мог удержать дрожи отвращения.

– Вон! Вон отсюда! – злобно рычал он, наступая на нас.

– Что вы, безобразники, в храме Божиим шум да свару поднимаете? – говорили с укоризной некоторые богомольцы, проходя притвором церкви.

– Эх, вижу, братцы, народ вы больно уж алчный!.. – начал Путилин, вынимая горсть медяков и несколько серебряных монет. – Без откупа, видно, к вам не влезешь. Что с вами делать? Натя, держите!

Картина вмиг изменилась.

– Давно бы так... – проворчала старая мегера.

– А кому деньги-то отдать? – спросил Путилин.

– Горбуну Евсеичу! Он у нас старшой. Он староста.

Безобразная лапа чудовища-горбуна уже протянулась к Путилину.

Улыбка бесконечной алчности зазмеилась на его страшном лице.

– За себя и за товарища? Только помните: две недели третью часть выручки нам – на дележ. А то все равно – сживем!..

Ранняя обедня подходила к концу.

Путилин с неподражаемой ловкостью завязывал разговор с нищими и лишенками о вчерашнем трагическом случае перед папертью Спаса.

– Как вы, почтенный, насчет сего думаете? – с глупым лицом обращался он несколько раз к горбуну.

– Отстань, обормот!.. Надоел! – злобно сверкал тот глазом-щелкой.

– У-у, богатый черт, полагать надо! – тихо шептал Путилин на ухо соседу-нищему.

– Да нас с тобой, брат, купит тысячу раз и перекупит! – ухмылялся тот. – А только бабник, да и здорово заливаешь!..

По окончании обедни оделенная копейками, грошами и пятаками нищая братия стала расходиться.

– Мы пойдем за горбуном... – еле слышно бросил мне мой знаменитый друг.

Горбун шел скоро, волоча по земле искривленную, уродливую ногу.

Стараясь быть незамеченными, мы шли, не выпуская его ни на секунду из виду.

Раз он свернул налево, потом направо, и вскоре мы очутились перед знаменитой Вяземской лаврой.

Горбун юркнул в ворота этой страшной клоаки, чудеса которой приводили в содрогание людей с самыми крепкими нервами.

Это был расцвет славы Вяземки – притона всей столичной сволочи, обрушивающейся на петербургских обывателей.

Отъявленные воры, пьяницы-золоторотцы, проститутки – все свили здесь прочное гнездо, разрушить которое было не так-то легко.

Подобно московскому Ржанову дому Хитрова рынка здесь находились и ночлежки – общежития для сего почтенного общества негодяев и мегер, и отдельные комнатки-конуры, сдаваемые за дешевую цену «аристократам» столичного сброда.

Притаившись за грудой пустых бочек, мы увидели, как страшный горбун, быстро и цепко поднявшись по обледенелой лестнице, заваленной человеческими экскрементами, вошел на черную «галдарейку» грязного, ветхого надворного флигеля и скрылся, отперев огромный замок за дверью какого-то логовища.

– Ну, теперь мы можем ехать! – задумчиво произнес Путилин, не сводя глаз с таинственной двери, скрывшей чудовище-горбуна.

– Ты что-нибудь наметил? – спросил я его.

– Темно... темно... – как и вчера ночью, ответил он.

Мать жертвы

В сыскном Путилина ожидал сюрприз.

Лишь только мы вошли, предварительно переодевшись, в кабинет, как дверь распахнулась и в сопровождении дежурного агента вошла, вернее, вбежала небольшого роста худощавая пожилая женщина.

Одета она была так, как одеваются мещанки или бедные, но «бла-а-а-родные» чиновницы-«цикорки»: в подобие какой-то черной поношенной шляпы, прикрытой черной косынкой, в длинном черном дипломате.

Лишь только она вошла, как сейчас же заплакала, вернее заголосила.

– Ах-ах-ах... ваше... ваше превосходительство...

– Что такое? Кто эта женщина? – спросил Путилин агента.

– Мать вчерашней девушки, найденной пред церковью Спаса... – доложил агент.

Лицо Путилина было бесстрастно.

– Садитесь, сударыня... Да вы бросьте плакать... Давайте лучше побеседуем... – пригласил Путилин.

– Да ка-а-ак же не плакать-то?! Дочь – единственная. Леночка моя ненагля-я-я-дная... Видела ее, голубушку...

Из расспросов женщины выяснилось следующее. Она – вдова скромного канцелярского служителя, умершего «от запоя». После смерти кормильца – в доме наступила страшная нужда.

Она шила, гадала на кофейной гуще, обмывала даже покойников, словом, делала все усилия, чтобы «держаться на линии» со своей Леночкой.

– А она-с – красавица у меня была! Характеру Леночка была гордого, замечательного, можно сказать. И-и! Никто к ней не подступайся! Королева прямо! В последнее время тоже работать начала. На лавки белье шили мы... Шьет, бывало, голубушка, а сама вдруг усмехнется да и скажет: «А что вы думаете, мамаша, будем мы с вами богатые, помяните мое слово!» – «Да откуда, – говоришь ей, – богатство-то к нам слетит, Леночка?» А она только бровью соболиной поведет. «Так, – говорит, – верю я в счастье мое...»

Сильные рыдания потрясли вдову-«чиновницу».

– А вот какое счастье на поверку вышло! А-а-ах!..

– Скажите, сударыня, ваша дочь часто отлучалась из дома?

– Да не особенно... Когда работу относить надо было...

– Когда последний раз до катастрофы ушла из дому ваша дочь?

– Часов около семи вечера. Жду ее, жду – нет. Уж и ночь настала. Тоскует сердце. Ну, думаю, может к подруге какой зашла, ночевать осталась. Ан – и утро! А тут вдруг услышала: девушку нашли мертвой у церкви Спаса. Бросилась туда. Говорят, отвезли уж куда-то. Разыскала. Взглянула – и с ног долой. Моя Леночка ненаглядная...

– Скажите, а ведомо ли вам, что за лифом вашей дочери были найдены 49 700 рублей? На вдову нашел столбняк.

– К... как? Сколько? – обезумела она.

Путилин повторил.

– А... где ж деньги? – загорелись глаза у «цикорки».

– У нас, конечно, сударыня.

– А вы... куда же их денете? Я ведь мать ее, я – наследница.

Мы невольно улыбнулись.

– Нет уж, сударыня, этих денег вы не наследуете... – ответил Путилин. – А вот лучше вы скажите: откуда, по вашему мнению, у вашей дочери могла взяться такая сумма?

Вдова захныкала.

– А я почем знаю, господин начальник?

Путилин сдал вдову на руки своему опытному помощнику. От нее надо было отобрать подробные сведения обо всех знакомых вдовы, о тех магазинах, куда Леночка сдавала работу. Соответственно с этим целая рать агентов должна была быть направлена по горячим следам.

Но я ясно видел, что Путилин распоряжался как бы нехотя, словно сам не доверял целесообразности тех мер розыска, которые предпринимал.

Я хорошо изучил моего гениального друга. Я чувствовал, что делает он все это больше для пустой формальности, для очистки совести.

– Позовите мне Х.! – отдал он приказ. Х. был любимый агент Путилина. Силач, бесстрашный, находчивый.

– Слушайте, голубчик, сейчас мы с вами побеседуем кое о чем.

Затем он обратился ко мне.

– Поезжай, друже, домой и ожидай меня ровно в восемь часов вечера. Сегодня ночью мы продолжим наши похождения. Только отпусти лакея.

В логове зверя

Стрелка часов показывала ровно восемь часов, когда я услышал звонок. Я поспешно открыл дверь и попятился, удивленный: первой вошла в мою переднюю... девушка, которую я вчера видел убитой на Сенной площади.

Крик ужаса готов был сорваться с моих уст, как вдруг раздался веселый смех Путилина, вошедшего вслед за девушкой.

– Не бойся, дружище, это – не привидение, а только моя талантливая сотрудница по трудному и опасному ремеслу.

– Фу-у, черт возьми, Иван Дмитриевич, ты всегда устроишь какую-нибудь необыкновенную штучку! – вырвалось у меня. – Но, боже мой, какой великолепный маскарад! Совсем она!

Я, подробно осматривавший труп, заметил даже большую черную родинку на левой щеке девушки.

Путилин был искусно загримирован, но в обыкновенной, сильно поношенной и продранной триковой «тройке».

– А мне в чем ехать? – спросил я.

– Да так, как есть... Только сомни воротник и обсыпь себя мукой или пудрой...

Я исполнил повеления моего друга и через несколько минут мы вышли из квартиры.

У ворот нас ждал любимый агент Путилина.

– Все?

– Все, Иван Дмитриевич.

«Малинник», знаменитый вертеп пьянства и разврата, гремел массой нестройных голосов.

Если ужасы Вяземки днем были отвратительны, то неопишуемые оргии, происходящие ночью в «малиннике», были поистине поразительны. Все то, что днем было собрано, наворовано, награблено, – все вечером и ночью пропивалось, прогуливалось в этом месте.

Тут казалось, что Бог совершенно отступился от людей, и люди, опившиеся, одурманенные зверскими, животными инстинктами, находились во власти Сатаны.

Когда мы подошли, стараясь идти не вместе, а поодиночке, к этой клоаке, Путилин сказал:

– Барынька, вы останьтесь здесь с Х. Мы с доктором войдем сюда и, наверное, скоро вернемся.

Мы вошли в ужасный притон.

Первое, что бросилось нам в глаза, была фигура странного горбуна.

Он сидел на стуле, низко свесив свои страшные, длинные ноги. Получилось такое впечатление, будто за столом сидит только огромный горб и огромная голова.

Лицо горбуна было ужасно. Сине-багровое, налившееся кровью, оно было искажено пьяно-сладоострастной улыбкой.

На коленях его, если можно только эти искривленные обрубки назвать коленями, сидела пьяная девочка лет пятнадцати.

Она, помахивая стаканом водки, что-то кричала тоненьким, сиплым голоском, но что она кричала, за общим гвалтом разобрать было невозможно.

– Горбун! Дьявол! – доносились возгласы обезумевших от пьянства и разврата людей.

Кто-то где-то хохотал животным хохотом, кто-то плакал пьяным плачем.

– Назад! – шепнул мне Путилин.

Мы быстро, не обратив на себя ничего внимания, выскочили из этого смрадного вертепа.

Я был поражен. Для чего же мы отправились сюда? Какой гениальный шаг рассчитывает сделать мой друг?

– Скорее! – отдал приказ Путилин агенту и агентше, поджидавшим нас.

Нас толкали, отпуская по нашему адресу непечатную брань. Кто-то схватил в охапку агентшу, но, получив здоровый удар от агента Х., с проклятием выпустил ее из своих рук.

– Дьявол! Здорово дерется!..

Минуты через две мы очутились перед той лестницей, ведущей на «галдарейку» флигеля, по которой сегодня утром подымался горбун. Путилин поднялся первый. За ним – агент Х., потом я, последней – агентша-сыщица.

– Вы ничего не знаете? – терзаемый любопытством, тихо спросил я ее.

– Да разве вы его не знаете? Разве он скажет что-нибудь наперед? – ответила загадочно она.

Вот и эта галерея, вонючая, зловонная.

Она была почти темна. Только в самом конце ее, из крошечного окна лился тусклый свет сквозь разбитое стекло, заклеенное бумагой. Перед нами была небольшая дверь, обитая старой-престарой клеенкой. Длинный засов, на нем – огромный висячий замок.

– Начинайте, голубчик! – обратился Путилин к агенту.

Послышался чуть слышный металлический лязг инструментов в руках агента Х.

– А теперь, господа, вот что, – обратился уже к нам Путилин. – Если замок не удастся открыть, тогда я немедленно возвращусь в «малинник», а вы... вы караульте здесь. Смотрите, какое тут чудесное помещение.

С этими словами Путилин подвел нас к конуре, напоминающей нечто вроде сарая-кладовой.

Я недоумевал все более и более.

– Иван Дмитриевич, да объясни ты хоть что-нибудь подробнее.

– Тс-с! Ни звука! Ну как?

– Великолепно! Кажется, сейчас удастся, – ответил Х.

– Ну?

– Готово!

– Bravo, голубчик, это хороший ход! – довольным голосом произнес Путилин.

– Пожалуйте! – раздался шепот агента Х.

– Прощу! – пригласил нас Путилин, показывая на открывшуюся дверь.

Первой вошла агентша, за ней я. Путилин остановился в дверях и обратился к Х::

– Ну а теперь, голубчик, закройте, вернее, запирайте нас на замок таким же образом.

– Как?! – в сильнейшем недоумении и даже страхе вырвалось у меня. – Как?! Мы должны быть заперты в этом логовище страшного урода?

– Совершенно верно, мы должны быть заперты, дружище... – невозмутимо ответил мой друг. – Постойте, господа, пропустите меня вперед, я вам освещу немного путь.

Путилин полез в карман за потайным фонарем. В эту секунду я услышал звук запираемого снаружи замка. Много, господа, лет прошло с тех пор, но уверяю вас, что этот звук стоит у меня в ушах, точно я его слышу сейчас. Чувство холодного ужаса пронизало все мое существо. Такое чувство испытывает, наверное, человек, которого хоронят в состоянии летаргического сна, когда он слышит, что над ним заколачивают крышку гроба, или осужденный, брошенный в подземелье при звуке захлопываемой за ним на веки железной двери каземата.

– Ну, вот и свет! – проговорил Путилин. Он держал впереди себя небольшой фонарь. Узкая, но яркая полоса света прорезала тьму. Мы очутились в жилище страшного горбуна. Прежде всего, что поражало, – это холодный пронизывающе сырой воздух, пропитанный запахом отвратительной плесени.

– Бр-р! Настоящая могила... – произнес Путилин.

– Да, неважное помещение, – согласился я.

Небольшая комната, если только это логовище, грязное, смрадное, можно было назвать комнатой, было почти все заставлено всевозможными предметами, начиная от разбитых ваз и кончая пустыми жестяными банками, пустыми бутылками, колченогими табуретами, кусками материй.

В углу стояло подобие стола. На всем этом толстым слоем лежала пыль и грязно-бурая, толстая паутина. Видно было, что страшная лапа безобразного чудовища-горбуна не притрагивалась ко всему этому в течение многих лет.

Около стены было устроено нечто вроде кровати. Несколько досок на толстых поленах; на этих досках – куча отвратительного тряпья, служившего, очевидно, подстилкой и прикрытием уроду.

– Не теряя ни минуты времени, я должен вас спрятать, господа! – проговорил Путилин. Он зорко осмотрелся.

– Нам с тобой, дружище, надо быть ближе к дверям, поэтому ты лезь под этот угол кровати, а я в последнюю минуту займу вот эту позицию.

И Путилин указал на выступ конуры, образующей как бы нишу.

– Теперь, и это главное, мне надо вас, барынька, устроить. О, от этого зависит многое, очень многое! – загадочно прошептал гениальный сыщик.

Он оглядел еще раз логовище горбуна.

– Гм... скверно... Но нечего делать! Придется вам поглотить пыли и покушать паутинки, барынька. Потрудитесь спрятаться вот за сию пирамидку из всевозможной дряни, – указал Путилин на грудку различных предметов. – Кстати, снимайте скорее ваш дипломат. Давайте его мне! Его можно бросить куда угодно, лишь бы он не попадался на глаза. Отлично... вот так. Ну-ка, доктор, извольте взглянуть на сие зрелище!

Я, уже влезший под кровать, выглянул и испустил подавленный крик изумления.

Предо мною стояла – нет, я не так выразился – не стояла, а стоял труп Леночки, убитой девушки. С помощью удивительно «жизненного» трико тельного цвета получалось – благодаря скудному освещению – полная иллюзия голого тела. Руки и ноги казались кровавыми обрубками, вернее, раздробленной кровавой массой. Длинные волосы, смоченные кровью, падали на плечи беспорядочными прядями.

– Верно? – спросил Путилин.

– Но... это... – заплетающимся голосом пролепетал я. – Это, черт знает что такое.

На меня, съжившегося под кроватью, нашел, положительно, столбняк.

Мне казалось, что это какой-то кошмар, больной, тяжелый, что все это не действительность, а сон.

Но увы! Это была действительность из блестящих походов Путилина, моего друга.

– Ну, по местам! – тихо скомандовал Путилин, туша фонарь. – Да, кстати, барынька: зажимайте крепко нос, дышите только ртом. У вас слишком много пыли, а пыль иногда – в деле уголовного сыска – преопасная вещь... Тс-с! Теперь – ни звука.

Наступила тьма и могильная тишина.

Я слышал, как бьется мое сердце тревожными, неровными толчками.

Из-за могилы

Время тянулось страшно медленно. Секунды казались минутами, минуты – часами. Вдруг до моего слуха донеслись шаги человека, подходящего к двери. Послышалось хриплое ворчание, точно ворчание дикого зверя, вперемешку с злобными выкриками, проклятиями. Загремел замок.

– Проклятая!.. Дьявол!.. – совершенно явственно долетали слова.

Лязгнул засов, скрипнула как-то жалобно дверь, и в конуру ввалился человек. Кто он – я, конечно, не мог видеть, но сразу понял, что это – страшный горбун.

Чудовище было, очевидно, сильно пьяно.

Он, изрыгая отвратительную ругань, натолкнулся на край кровати, отлетел потом в противоположную стену и направился колеблющейся походкой в глубь логовища.

– Что? Сладко пришлось, ведьма? Кувырк, кувырк, кувырк... Ха-ха-ха! – вдруг разразился исступленно бешеным, безумным хохотом страшный горбун.

Признаюсь, я похолодел от ужаса.

Вдруг конура осветилась слабым светом, синевато-трепетным. Горбун чиркнул серной спичкой и, должно быть, зажег сальную свечу, потому что комната озарилась тускло-красным пламенем.

– Только ошиблась, проклятая, не то взяла! – продолжал рычать горбун.

Он вдруг быстро наклонился под кровать и потащил к себе небольшой черный сундук.

Мысль, что он меня увидит, заставила заледенеть кровь в моих жилах. Я даже забыл, что у меня есть револьвер, которым я могу раздробить голову этому чудовищу.

Горбун, выдвинув сундук, поставил дрожащей лапой около него свечку в оловянном подсвечнике и, все так же изрыгая проклятия и ругательства, отпер его и поднял его крышку. Свет свечки падал на его лицо. Великий Боже, что это было за ужасное лицо! Клянусь вам, это было лицо самого дьявола!.. Медленно, весь дрожа, он стал вынимать мешочки, в которых сверкало золото, а потом – целая кипа процентных бумаг и ассигнаций.

С тихим, захлебывающимся смехом он прижимал их к своим безобразным губам.

– Голубушки мои... Роденькие мои... Ах-ох-хо-хо! Сколько вас здесь... Все мое, мое!..

Чудовище-человек беззвучно хохотал. Его единственный глаз, казалось, готов был выскользнуть из орбиты. Страшные, цепкие щупальца-руки судорожно сжимали мешочки и пачки. Но почти сейчас же из его груди вырвался озлобленный вопль-рычание:

– А этих нет! Целой пачки нет!.. Погубила, осиротинила меня!

– Я верну их тебе! – вдруг раздался резкий голос.

Прежде, чем я успел опомниться, я увидел, как горбун в ужасе запрокинулся назад.

Его лицо из сине-багрового стало белее полотна. Нижняя челюсть отвисла и стала дрожать непрерывной дрожью.

К нему медленно подвигалась, тихо, плавно, словно привидение, девушка-труп.

Ее руки были простерты вперед.

– Ты убил меня, злое чудовище, но я... я не хочу брать с собою в могилу твоих постылых денег. Они будут жечь меня, не давать покоя моей душе.

Невероятно дикий крик, крик, полный смертельного ужаса, огласил мрачное логовище.

– Скорее! Ползи к двери. Сейчас же вон отсюда! – услышал я сдавленный шепот Путилина.

Я пополз из-под угла кровати к двери.

– Не подходи! Не подходи! Исчадие ада!.. – в смертельном ужасе лепетал горбун.

Девушка-труп приближалась к чудовищу-горбуну все ближе и ближе.

– Слушай, убийца! – загробным голосом говорила девушка. – Там, на колокольне, под большим колоколом, прикрытые тряпкой, лежат твои деньги. Я пришла с того света, чтобы сказать тебе: торопись скорее туда, ты свободно пройдешь на колокольню и возьмешь эти проклятые деньги, за которые ты убил меня такой страшной смертью.

Обезумевший от ужаса страшный горбун, сидевший к нам спиной, замер.

Путилин быстро и тихо, толкнув меня вперед, открыл ногой дверь.

– Беги немедленно, что есть силы! Спускайся по лестнице! К воротам!

Я несся что было духу. Оглянувшись, я увидел, что за мной несется Путилин и Х. Вдруг из логовища горбуна мелькнула белая фигура и, с ловкостью истой акробатки, сбежала с лестницы.

– Поздравляю вас, барынька, с блестяще удачным дебютом! – услышал я голос Путилина.

На колокольне

Мы поднимались по узкой, винтообразной лестнице спасской колокольни.

Я, еще не успевший прийти в себя после всего пережитого, столь необычайного, заметил кое-где фигуры людей.

Очевидно, мой гениальный друг сделал заранее известные распоряжения. Фигуры почтительно давали нам дорогу, затем – после того, как Путилин им что-то отрывисто шептал, – быстро ступевались. Когда мы вошли на колокольню, было ровно два часа ночи.

– Ради бога, друг, зачем же мы оставили на свободе этого страшного горбуна? – обратился я, пораженный, к Путилину.

Путилин усмехнулся.

– Положим, дружище, он – не на свободе. Он – «кончен», то есть пойман; за ним – великолепный надзор. А затем... Я хочу довести дело до конца. Знаешь, – это моя страсть и это – моя лучшая награда. Позволь мне насладиться одним маленьким эффектом. Ну, блестящая дебютантка, пожалуйста сюда, за этот выступ! Я – здесь, ты – там!

Мы разместились.

Первый раз в моей жизни я бывал на колокольне.

Колокола висели большой, темной массой.

Вскоре выплыла луна и озарила своим трепетным сиянием говорящую массу.

Лунный свет заиграл на колоколах, и что-то таинственно чудное было в этой картине, полной мистического настроения.

По лестнице послышались шаги. Кто-то тяжело и хрипло дышал.

Миг – и на верху колокольни появилась страшная, безобразная фигура горбуна.

Озаренная лунным блеском, она, эта чудовищная фигура, казалась воспроизведением больной, кошмарной фантазии.

Боязливо озираясь по сторонам, страшный спрут-человек быстро направился к большому колоколу.

Тихо ворча, он нагнулся и стал шарить своей лапой...

– Нету... нету... Вот так!.. Неужели ведьма проклятая надула?..

Огромный горб продолжал ползать под колоколом.

– Тряпка... где тряпка? А под ней мои денежки! Ха-ха-ха!.. – усиливал свое ворчание человек-зверь.

– Я помогу тебе, мой убийца!

С этими словами из места своего прикрития выступила девушка-труп, «сотрудница» Путилина.

Горбун испустил жалобный крик. Его опять, как и там, в конуре, затрясло от ужаса.

Но это продолжалось одну секунду. С бешеным воплем злобы, страшное чудовище одним гигантским прыжком бросилось на имитированную Леночку и сжало ее в своих страшных объятиях.

– Проклятая дочь Вельзевула! Я отделаюсь от тебя! Я сброшу тебя во второй раз!..

Крик, полный страха и мольбы, прорезал тишину ночи.

– Спасите! Спасите!

– Доктор, скорее! – крикнул мне Путилин, бросаясь сам, как молния, к чудовищному горбуну.

Наша агентша трепетала в руках горбуна.

Он высоко подняв ее в воздухе, бросился к перилам колокольни.

Путилин первый с большой силой схватил горбуна за шею, стараясь оттащить его от перил колокольни.

Вот в это-то время некоторые, случайно проезжавшие и проходившие в этот поздний час мимо церкви Спаса на Сенной и видели эту страшную картину: озаренный луной безобразное чудовище-горбун стоял на колокольне, высоко держа в своих руках белую фигуру девушки, которую собирался сбросить с огромной высоты.

Я ударил горбуна по ногам.

Он грянулся навзничь, не выпуская, однако, из своих цепких объятий бедную агентшу, которая была уже в состоянии глубокого обморока.

– Сдавайся, мерзавец! – приставил Путилин блестящее дуло револьвера ко лбу уроды. – Если сию секунду ты не выпустишь женщину, я раскрою твой безобразный череп. – Около лица горбуна появилось дуло и моего револьвера. Цепкие, страшные объятия уроды разжались и выпустили полузадушенное тело отважной агентши.

Урод-горбун до суда и до допроса разбил себе голову в месте заключения в ту же ночь.

При обыске его страшного логовища в сундуке было найдено... 340 220 рублей и несколько копеек.

– Скажи, Иван Дмитриевич, – спросил я позже моего друга, – как удалось тебе напасть на верный след этого чудовищного преступления...

– По нескольким волосам... – усмехаясь, ответил Путилин.

– Как так?! – поразился я.

– А вот слушай. Ты помнишь, когда протиснулся незнакомый мне горбун к трупу девушки, прося дать ему возможность взглянуть на «упокойницу»? Вид этого необычайного уроды невольно привлек мое внимание. Я по привычке быстро-быстро и внимательно оглядел его с ног до головы, и тут случайно мой взор упал на пуговицу его полурваной куртки. На

пуговице, замотавшись, висела, целая прядка длинных волос. Волосы эти были точно такого же цвета, что и волосы покойной.

В то время, когда я открывал холст с лица покойницы, незаметным и ловким движением сорвал эти волосы с пуговицы. При вскрытии – я сличил эти волосы. Они оказались тождественными. Если ты примешь во внимание, что я, узнав, где девушка разбилась от падения со страшной высоты – поглядел на колокольню, а затем узнал, что горбун – постоянный обитатель церковной паперти, то... то ты несколько оправдаешь мою смелую уголовно-сыскную гипотезу. Но это еще не все. Я узнал, что горбун богат, пьяница и развратник. Для меня, друг, все стало ясно. Я вывел мою особенную линию, которую я называю мертвой хваткой.

– Что же ясно? Как ты проводишь нить между горбуном и Леночкой?

– Чрезвычайно просто.

Показания ее матери пролили свет на характер Леночки. Она безумно хочет разбогатеть. Ей рисуются наряды, бриллианты, свои выезды. Я узнал, что она работала на лавку, близ церкви Спаса. Что удивительного, что она, прослышав про богатство и женолюбие горбуна, решила его «пощипать»?

Сначала, пользуясь своей редкой красотой, она вскружила безобразную голову чудовища. Это было время флирта. Она, овладев всецело умом и сердцем горбуна, безбоязненно рискнула прийти в его логовище. Там, высмотрев, она похитила эти 49 700 рублей. Горбун узнал, и... любовь к золоту победила любовь к женской красоте. Он решил жестоко отомстить и действительно сделал это.

Гроб с двойным дном

Гений зла

Путилин ходил из угла в угол по своему кабинету, что с ним бывало всегда, когда его одолевала какая-нибудь неотвязная мысль.

Вдруг он круто остановился передо мной.

– А ведь я его все-таки должен поймать, доктор!

– Ты о ком говоришь? – спросил я моего гениального друга.

– Да о ком же, как не о Домбровском! – с досадой вырвалось у Путилина. – Целый год, как известно, он играет со мной, как кошка с мышкой. Много на своем веку видел я отъявленных и умных плутов высокой марки, но признаюсь тебе, что подобного обер-плута еще не встречал. Гений, ей-богу, настоящий гений! Знаешь, я искренно им восхищаюсь.

– Что же, тебе, Иван Дмитриевич, особенно должна быть приятна борьба с этим господином, так как вы – противники равной силы.

– Ты ведь только вообрази, – продолжал Путилин, – сколько до сих пор нераскрытых преступлений этого короля воров и убийц лежит на моей совести! В течение одиннадцати месяцев – три кражи на огромную сумму, два убийства, несколько крупных мошеннических дел, подлогов. И все это совершено одним господином Домбровским! Он прямо неуловим! Знаешь ли ты, сколько раз он меня оставлял в дураках?

Я до сих пор не могу без досады вспомнить, как он провел меня с похищением бриллиантов у ювелира Г. Как-то обращается ко мне этот известный ювелир с заявлением, что из его магазина началось частое хищение драгоценных вещей: перстней, булавок, запонок с большими солитерами огромной ценности.

– Кого же вы подозреваете, господин Г.? – спросил я ювелира.

– Не знаю, прямо не знаю, на кого и подумать. Приказчики мои – люди испытанной честности, и, кроме того, ввиду пропаж, я учредил за всеми самый бдительный надзор. Я не выходил и не выхожу из магазина, сам продаю драгоценности, и... тем не менее не далее как вчера, у меня на глазах, под носом исчез рубин редчайшей красоты. Ради бога, помогите, господин Путилин!

Ювелир чуть не плакал. Я решил взяться за расследование этого загадочного исчезновения бриллиантов.

– Вот что, любезный господин Г., не хотите ли вы взять меня на несколько дней приказчиком? – спросил я его.

Он страшно, бедняга, изумился.

– Как?! – сразу не сообразил он.

– Очень просто: мне необходимо быть в магазине, чтобы следить за покупателями. Как приказчику, это чрезвычайно будет удобно.

На другой день, великолепно загримированный, я стоял рядом с ювелиром за зеркальными витринами, в которых всеми цветами радуги переливались драгоценные камни.

Я не спускал глаз ни с одного покупателя, следя за всеми их движениями. Вечером я услышал подавленный крик отчаяния злополучного ювелира:

– Опять, опять! Новая пропажа!

– Да быть не может? Что же исчезло?

– Булавка с черной жемчужиной!

Я стал вспоминать, кто был в этот день в магазине. О, это была пестрая вереница лиц! И генералы, и моряки-офицеры, и штатские денди, и великосветские барыни, и ливрейные лакеи, являвшиеся с поручениями от своих знатных господ.

Стало быть, среди этих лиц и сегодня был страшный, поразительно ловкий мошенник. Но в каком виде явился он? Признаюсь, это была нелегкая задача...

На другой день я получил по почте письмо. Я помню его содержание наизусть. Вот оно:

«Любезный господин Путилин!

Что это Вам пришла за странная фантазия обратиться в приказчика этого плута Г.? Это не к лицу гениальному сыщику.

Ваш *Домбровский*».

Когда я показал это письмо ювелиру, он схватился за голову.

– Домбровский?! О, я погиб, если вы не спасете меня от него. Это не человек, а дьявол! Он разворует у меня постепенно весь магазин!..

Прошел день без покражи. Я был убежден, что гениальный мошенник, узнав меня, не рискнет больше являться в магазин и что его письмо – не более чем дерзкая бравада.

На следующий день, часов около пяти, к магазину подкатила роскошная коляска с ливрейным лакеем на козлах.

Из коляски вышел, слегка прихрамывая и опираясь на толстую трость с золотым набалдашником, полуседой джентльмен – барин чистейшей воды. Лицо его дышало истым благородством и доброжелательностью.

Лишь только он вошел в магазин, как ювелир с почтительной поспешностью направился к нему навстречу.

– Счастлив видеть ваше сиятельство... – залепетал он.

– Здравствуйте, здравствуйте, любезный господин Г., – приветливо-снисходительно бросил важный посетитель. – Есть что-нибудь новенькое, интересное?

– Все, что угодно, ваше сиятельство.

– А кстати: я хочу избавиться от этого перстня. Надоел он мне что-то. Сколько вы мне за него дадите?

Ювелир взял перстень. Это был огромный солитер дивной воды.

Г. долго его разглядывал.

– Три тысячи рублей могу вам предложить за него... – после долгого раздумья проговорил он.

– Что? – расхохотался старый барин. – За простое стекло – три тысячи рублей?

– То есть как – за стекло? – удивился ювелир. – Не за стекло, а за бриллиант.

– Да бросьте, это лондонская работа. Это поддельный бриллиант. Мне подарил его мой дядюшка, князь В., как образец заграничного искусства подделывать камни.

Злополучный ювелир покраснел, как рак. Его, его, величайшего знатока, специалиста, пробуют дурачить!

– Позвольте, я его еще хорошенько рассмотрю. – Он стал проделывать над бриллиантом всевозможные пробы, смысл и значение которых для меня, как для профана, были совершенно темны, непонятны.

– Ну что, убедились? – мягко рассмеялся князь.

– Убедился... что это бриллиант самый настоящий и очень редкой воды.

Выражение искреннего изумления отразилось на лице князя.

– И вы не шутите?

– Нимало. Неужели вы полагаете, что я не сумею отличить поддельный камень от настоящего?

– И вы... вы согласны дать мне за него три тысячи рублей?

– И в придачу даже вот эту ценную по работе безделушку, – проговорил Г., подавая князю булавку с головкой-камеей тонкой работы.

– А, какая прелесть!.. – восхищенно вырвалось у князя. – Ну-с, господин Г., я согласен продать вам этот перстень, но только с одним условием.

– С каким, ваше сиятельство?

– Во избежание всяческих недоразумений вы потрудитесь дать мне расписку, что купили у меня, князя В., перстень с поддельным бриллиантом за три тысячи рублей.

– О, с удовольствием! – рассмеялся ювелир. – Вы извините меня, ваше сиятельство, но вы большой руки шутник!

Расписка была написана и вручена князю. Он протянул Г. драгоценный перстень.

– Сейчас я тороплюсь по делу. Через час я заеду к вам. Вы подберите мне что-нибудь интересное.

– Слушаюсь, ваше сиятельство!

Вскоре коляска отъехала от магазина ювелира. Прошло минут пять. Я заинтересовался фигурой какого-то господина, очень внимательно разглядывающего витрину окна.

Вдруг яростный вопль огласил магазин. Я обернулся. Злосчастный ювелир стоял передо мной блее полотно.

– Господин Путилин... господин Путилин... – бессвязно лепетал он.

– Что такое? Что с вами? Что случилось? – спросил я, недоумеваю.

– Фальшивый... фальшивый! – с отчаянием вырвалось у Г.

– Как – фальшивый? Но вы же уверяли, что это настоящий бриллиант?..

Ювелир хватался руками за голову.

– Ничего не понимаю... ничего не понимаю... Я видел драгоценный солитер, который вдруг сразу превратился в простое стекло.

Зато я все понял. Этот князь В. был не кто иной, как Домбровский. У гениального мошенника было два кольца, капля в каплю похожие одно на другое. В последнюю минуту он всучил ювелиру не настоящий бриллиант, а поддельный.

Путилин опять прошелся по кабинету.

– А знаешь ли ты, что третьего дня опять случилась грандиозная кража? У графини Одинцовой похищено бриллиантов и других драгоценностей на сумму около четырехсот тысяч рублей. Недурно?

– Гм... действительно, недурно, – ответил я. – И ты подозреваешь...

– Ну, разумеется, его. Кто же, кроме Домбровского, может с таким совершенством и блеском ухитриться произвести такое необычайное хищение! Кража драгоценностей произошла во время бала. Нет ни малейшего сомнения, что гениальный вор находился в числе гостей, ловким образом проник в будуар графини и там похитил эту уйму драгоценностей.

– И никаких верных следов, друже?

– Пока никаких. Общественное мнение страшно возбуждено. В высших инстанциях несколько косятся на меня. Мне было поставлено вежливо на вид, что ожидали и ожидают от меня большего, что нельзя так долго оставлять на свободе неразысканным такого опасного злодея. Откровенно говоря, все это меня страшно волнует. Но я ему устроил зато везде и всюду страшную засаду.

– Попробовали бы они сами разыскать подобного дьявола... – недовольно проворчал я, искренно любивший моего друга.

– Но клянусь, что я еще не ослаб и что я во что бы то ни стало поймаю этого господина! – слегка стукнул ладонью по столу Путилин.

Раздался стук в дверь.

– Войдите! – крикнул Путилин.

Вошел дежурный агент и с почтительным поклоном подал Путилину элегантный конверт.

– Просили передать немедленно в собственные руки вашему превосходительству.

– Кто принес, Жеребцов? – быстро спросил Путилин.

– Ливрейный выездной лакей.

– Хорошо, ступайте.

Путилин быстро разорвал конверт и стал читать. Я не сводил с него глаз и вдруг заметил, как краска гнева бросилась ему в лицо.

– Ого! Это, кажется, уж чересчур! – резко вырвалось у него.

– В чем дело, друже?

– А вот прочти.

С этими словами Путилин подал мне элегантный конверт с двойной золотой монограммой.

Вот что стояло в письме:

«Мой гениальный друг!

Вы дали клятву поймать меня. Желая прийти Вам на помощь, сам извещаю Вас, что сегодня, ровно в три часа дня, я выезжаю с почтовым поездом в Москву по Николаевской ж. дороге. С собой я везу все драгоценности, похищенные мною у графини Одинцовой. Буду весьма польщен, если Вы проводите меня.

Уважающий Вас *Домбровский*».

Письмо выпало у меня из рук. Я был поражен, как никогда в моей жизни.

– Что это: шутка, мистификация?

– Отнюдь нет. Это правда.

– Как?!

– Я отлично знаю почерк гениального мошенника. Это один из его блестяще смелых трюков. Домбровский любит устраивать неожиданные выпады.

– А ты не предполагаешь, что это сделано с целью отвода глаз? В то время, когда мы будем его караулить на Николаевском вокзале, он преблагополучно удерет иным местом.

Путилин усмехнулся.

– Представь себе, что нет. Он действительно, если только мне не удастся узнать его, непременно уедет с этим поездом и непременно по Николаевской дороге. О, ты не знаешь Домбровского! Неужели ты думаешь, что, если бы это был обыкновенный мошенник, я не изловил бы его в течение года? В том-то и дело, что он равен мне по силе, находчивости, дерзкой отваге. Он устраивает такие ходы, какие не устраивал ни один шахматный игрок мира.

Путилин взглянул на часы. Стрелка показывала половину второго.

– Я принимаю вызов. Bravo, Домбровский, честное слово, это красивая игра! – возбужденно проговорил мой друг. – Итак, до отхода поезда остается полтора часа... Гм... Немного...

Путилин провожает мошенника

На Николаевском вокзале в то время не царил при отходе поездов того сумасшедшего движения, какое вы наблюдаете теперь. Пассажиров было куда меньше, поезда ходили значительно реже.

Было без сорока минут три часа, когда я спешно подъехал к Николаевскому вокзалу.

Почти сейчас же приехал и Путилин.

Железнодорожное вокзальное начальство, предупрежденное, очевидно, им о его приезде, встретило его.

– Вы распорядились, чтобы несколько задержали посадку пассажиров в поезд? – спросил он начальника станции.

– Как же, как же... Все двери заперли. Могу поручиться, что ни один человек незаметным образом не проникнет в вагоны.

Путилин, сделав мне знак, пошел к выходу на перрон вокзала.

Поезд, уже готовый, только еще без паров, был подан. Он состоял из пяти вагонов третьего класса, двух вагонов второго и одного – первого класса, не считая двух товарных вагонов.

– Надо осмотреть на всякий случай весь поезд... – задумчиво произнес Путилин.

Мы обошли все вагоны. Не было ни одного уголка, который не был бы осмотрен нами.

Увы, поезд был пуст, совершенно пуст!

Мы прошли всем дебаркадером. Всюду стояли жандармы, оберегая все выходы и входы.

У каждого вагона стояли опытные агенты, мимо которых должны были пройти пассажиры.

– У дверей третьего класса в момент выпуска публики будет стоять Х. О, он молодчина! Он не пропустит ни одного подозрительного лица, – возбужденно проговорил Путилин.

Мы вернулись в зал первого класса.

Тут было не особенно много пассажиров. Мой друг зорко всматривался в лица мужчин и женщин, одетых по-дорожному, с традиционными сумками через плечо.

Особенное внимание привлекал высокий рыжий господин с огромными бакенбардами с чемоданом в руках. Это был типичный англичанин-турист.

– Пора выпускать публику садиться в вагоны! – незаметно шепнул начальник станции.

– Выпускайте! – так же тихо ответил Путилин.

Путилин встал у выходных дверей, не спуская пристального взора с выходящих пассажиров.

Прошел один, другой, третья...

– Скажите, пожалуйста, который час? – по-английски обратился Путилин к высокому рыжему джентльмену.

Тот удивленно вскинул на него глаза.

– Виноват, я не понимаю, что вы говорите! – холодно бросил он.

Пассажиров больше не оставалось.

Дверь была моментально заперта на замок, и отдан был приказ выпускать с «осмотрительностью».

Публика почти вся уже расселась по вагонам.

– Его нет! – на ходу бросил Путилину Х., дождавшийся выпуска последнего пассажира из зала третьего класса.

– Садитесь при последнем звонке в вагон первого класса, там рыжий господин с черным большим чемоданом. Не спускайте с него глаз. Следуйте по пятам. Мы будем обмениваться депешами, – тихо проговорил Путилин.

Поезд был наполнен.

Под предлогом, что кем-то из пассажиров обронен ридикюль с ценными вещами, агенты, кондукторы и жандармы вновь самым тщательным образом обшарили весь поезд. Путилин, якобы муж потерявшей ридикюль дамы, сопровождал им. Результат был тот же: Домбровского в поезде не было, если только рыжий... До отхода оставалось около девяти минут.

Когда Путилин с довольной усмешкой, обследовав все вагоны, выходил из последнего, своды дебаркадера огласились звуками стройного похоронного пения. Четыре здоровенных факельщика несли большой гроб лилового бархата. Он в их руках мерно и тихо колыбался. За гробом шла женщина в трауре, горько, безутешно рыдавшая. Ее истеричный плач, полный тоски, ужаса, глухо раздавался под сводами вокзала.

За гробом шли певчие в кафтанах с позуменами.

– Куда, в какой вагон вносить? – спросили начальника станции двое черных факельщиков, несших гроб.

– Да вот прямо – в траурный, не видите разве? – недовольно буркнул начальник станции. – Точно в первый раз.

Гроб внесли в вагон. Вновь раздалось заунывное пение.

Путилин, человек в высокой степени религиозный, стоял у печального вагона без шляпы на голове.

Чувствительный и добрый, как все талантливые, благородные люди, он с искренним соболезнованием обратился к даме в трауре:

– Простите, сударыня... Вы так убиваетесь... Кого вы потеряли? – И Путилин указал на гроб, вносимый в траурный вагон.

Прелестное заплаканное личико молодой женщины посмотрело сквозь черный креп на Путилина.

– Мужа... Я потеряла мужа, моего дорогого мужа. – Она заломила в отчаянии руки и, поддерживаемая каким-то почтенным седым господином, вошла в вагон первого класса.

– Третий звонок, – отдал приказ начальник станции.

– Со святыми упоко-о-ой... – грянули певчие под звуки станционного дребезжащего колокола. Поезд медленно стал отходить.

Исчезнувший покойник

Я еще никогда не видел моего друга в таком странном состоянии духа, как тогда, когда мы возвращались в карете с вокзала. Momentами он казался темнее тучи; momentами – лицо его освещалось довольной улыбкой. Он не проронил ни слова.

Только тогда, когда карета свернула в какой-то переулок, неподалеку от управления сыскной полиции он обратился ко мне:

– Сегодняшний вечер и сегодняшняя ночь должны кое-что выяснить. Если ты хочешь присутствовать при всех перипетиях моей решительной борьбы с этим дьяволом, то приезжай часов в семь ко мне в управление. Я ожидаю важные донесения.

Сделав несколько визитов по больным, наскоро переодевшись и закусив, я ровно в семь часов входил в служебный кабинет моего друга.

– Ну что?

– Пока ничего... – сумрачно ответил Путилин. Мы стали беседовать о некоторых случаях из криминальной хроники Парижа.

– Деша! – вытянулся курьер перед Путилиным.

– Проклятие! – вырвалось у Путилина.

«Мы напали на ложный след. Черный чемодан не принадлежит Домбровскому. Жду ваших распоряжений», – стояло в телеграмме.

Путилин чиркнул на листе бумаги:

«Следуйте дальше, вплоть до Москвы».

Беседа о некоторых чудесах антропологии прервалась.

Путилин сидел в глубокой задумчивости. Вдруг он вскочил с места и как исступленный забегал по кабинету.

– Дурак! Болван! Старый осел, прозевал! Прозевал! – вырывалось у него.

Он, казалось, готов был вырвать все свои волосы. Он, мой дорогой уравновешенный друг, был прямо страшен.

Я невольно вскочил и бросился к моему другу:

– Ради бога, что с тобой?! Что случилось?

– Случилось то, что мы с тобой действительно проводили Домбровского. Я даже с ним, представь, раскланялся.

– Так почему же ты его не арестовал?

Путилин не слушал меня. Быстрее молнии он написал несколько слов на бумаге.

– Дешешу срочно отправить! Постойте, вот вторая! Да стойте, черт вас возьми, вот третья! Я ровно ничего не понимал, у меня, каюсь, даже мелькнула мысль: не сошел ли с ума мой гениальный друг?

– Скорее ко мне Юзефовича.

Через несколько секунд в кабинет вошел маленький, юркий человечек. Путилин что-то шепнул ему на ухо.

– Через сколько времени?

– Да так часа через два-три.

Мы остались вдвоем.

Путилин подошел ко мне и, опустив руку на плечо, проговорил:

– Я посрамлен. Гениальный мошенник сыграл со мной поразительную штуку. Он одел мне на голову дурацкий колпак. Но помни, что за это я дам ему настоящий реванш. А теперь я тебе вот что скажу: содержание тех телеграмм, которые я сейчас получу, для меня известны.

Прошло несколько минут.

Я, заинтересованный донельзя, весь обратился во внимание.

– Дешеша! – опять вытянулся перед Путилиным курьер.

– Им подай! – приказал Путилин. – Ну, докториус, вскрывай и читай!

«Начальнику сыскной полиции, его превосходительству Путилину. Сим доношу Вам, что следовавшая за покойником дама в трауре бесследно исчезла из вагона первого класса, в котором ехала. Осталось только несколько забытых ею вещей. Куда делась – неизвестно.

Начальник станции Z. и агент X.».

Телеграмма была отправлена со станции Боровенки. Время получения – 10 часов 38 минут вечера.

– Что это значит? – обратился я, удивленный, к Путилину.

Путилин был бледен от бешенства до удивительности.

– Это значит только то, что ты вскроешь очень скоро новую дешешу.

Действительно, через полчаса, а может, и больше, нам подали новую дешешу:

«Случилось необычайное происшествие. Обеспокоенный внезапным исчезновением дамы с трауром, я по приезде поезда на следующую станцию вошел в вагон с покойником. Дверь вагона была настежь открыта. Крышка гроба валялась на полу. Гроб оказался пустым. Покойник украден. Что делать?

X.».

Я захлопал глазами. Признаюсь откровенно, у меня даже волосы встали дыбом на голове.

– Как покойник украден? – пролепетал я. – Кому же надо красть покойника?..

– Бывает... – усмехнулся Путилин, быстро набрасывая слова на бумагу.

– Дешеша! – опять выросла перед нами фигура курьера.

– Что ж, читай уж до конца мою сегодняшнюю страшную корреспонденцию! – бросил мой друг.

«Благодарю Вас за то, что Вы меня проводили. От Вас, мой друг, я ожидал большей находчивости. Я сдержал свое слово: Вы проводили меня.

Искренно Вас любящий Домбровский.».

– Понял ты теперь или нет? – бешено заревел Путилин, комкая в руках депешу.

От всей этой абракадабры у меня стоял туман в голове.

– Ровно ничего не понимаю... – искренно вырвалось у меня.

Секретный шкаф открылся. Перед нами стоял Юзефович.

– Ну?!

– Он здесь. Я привел его.

– Молодец! Впусти его.

Дверь отворилась, и в кабинет робко, боязливо вошел невысокий человек в барашковом пальто-бекеше.

Странный заказчик

– Вы содержатель гробового заведения Панкратьев? – быстро спросил Путилин.

– Я-с, ваше превосходительство! – почтительно ответил он.

– Расскажите, как было дело!

– Было-с это четыре дня тому назад, – начал гробовщик. – Час уже был поздний, мастерская была закрыта. Мы спешно кончали гроб. Вдруг через черный вход входит господин, отлично одетый.

– Вы хозяин? – обратился он ко мне.

– Я-с. Чем могу служить?

– Я приехал заказать вам гроб.

– Хорошо-с. А к какому сроку вам требуется его изготовить?

– Да как успеете... – ответил поздний посетитель. – Я хорошо заплачу.

– А вам для кого гроб требуется, господин? – обрадованный посулом щедрой платы, спросил я.

– Для меня! – резко ответил он.

Я-с вздрогнул, а потом скоро сообразил: ну, конечно, шутит господин.

– Шутить изволите, хе-хе-хе, ваше сиятельство!

А он-с так и вонзился в меня своими глазами.

– Я, любезный,нисколько не шучу с вами! Вам нужна мерка? Так потрудитесь снять ее с меня. Не забудьте припустить длину гроба, потому что, когда я умру, то, конечно, немного вытянусь.

– Я-с, признаюсь, ваше превосходительство, нехорошо себя почувствовал, даже побелел весь, как потом мне рассказывали жена и подмастерье. Оторопь, жуть взяли меня. Первый раз в жизни приходилось мне для гроба снимать мерку с живого человека.

Однако делать нечего, взял я трясущимися руками мерку и стал измерять важного господина.

Когда покончил я с этим, он и говорит:

– Сейчас я вам объясню, какой я желаю гроб, а пока... нет ли у вас какого-нибудь готового гроба, чтобы я мог кое-что сообразить?..

Я указал ему на гроб, который мы уже обтягивали глазетом.

Посетитель подошел к нему и полез в него.

– Дайте подушку! – строго скомандовал он.

– Агаша! Давай подушку свою! – приказал я жене.

Та-с со страхом, тихонько крестясь, подала мне подушку.

Через секунду посетитель лежал, вытянувшись, в гробу.

– Дайте крышку! – приказал он. – Прикройте меня ею!..

Поверите ли, как стал я закрывать гроб крышкой, аж зубы у меня защелкали. Что, думаю, за диво такое? Уж не перехватил ли я, грешным делом, лишнего сегодня с приятелем-гробовщиком в погребке, уж не снится ли мне страшный сон? Даже за нос свой, ваше превосходительство, себя ущипнул.

– Отлично! – громко вскричал важный господин, вылезая из гроба.

– Про... прочная работа... – заикнулся я.

– Ну-с, любезный хозяин, теперь я вам объясню, какой гроб вы должны мне сделать.

Прежде всего, вы должны мне сделать гроб с двойным дном.

– Как-с с двойным дном?! – попятился я.

– Очень просто: именно с двойным дном. Разве вы не знаете, что такое двойное дно?

На первом дне буду лежать я, а подо мной должно находиться пустое пространство, сиречь – второе дно. Ширина его не должна быть большая... Так примерно вершка в три-четыре. Поняли?

– П... понял-с... – пролепетал я.

– Затем в крышке гроба на уровне с моим лицом вы вырежете три дырочки-отверстия: две – для глаз, одну – для рта. Сверху вы прикроете их кусочками-кружочками из бархата. Вы примерьте-ка лучше, любезный!

Господин вновь влез в гроб. Я-с, накрыв его крышкой, мелом очертил на ней места, где должны быть дырочки для глаз, для рта.

– Затем, и это весьма важно, вы должны поставить в углах крышки такие винтики, чтобы покойник в случае, если бы захотел, мог совершенно свободно отомкнуть завинченную крышку. Поняли? Гроб обейте лиловым бархатом. Ну-с, сколько вы возьмете с меня за такой гроб?

Я замялся. Сколько с него заломить при такой okazji? Барин чудной, богатей, видно.

– Не знаю, право, ваше сиятельство... – пробормотал я.

– Пятьсот рублей довольно будет? – улыбнулся он, вынимая из толстого бумажника пять радужных.

Я-с, обрадованный, спросил, куда они прикажут доставить гроб.

– Я сам за ним заеду, любезный. Если все хорошо сделаете, я прибавлю еще пару таких же билетов. До свидания.

Когда он ушел, мы долго с женой и подмастерьем обсуждали это необычайное, можно сказать, посещение и этот диковинный заказ. Жена-с моя – женщина нрава решительного – выхватила у меня деньги и прикрикнула на меня:

– Ну, о чем ты сусолишь? Тебе-то что? Мало ли какие затеи приходят в голову сытым господам? Пшел стругать гроб!

– Ну, а дальше что, Панкратьев? – спросил Путилин.

– Через сутки к вечеру приехал этот господин, гробом остался доволен, дал, как обещал, две радужных и увез гроб с собой.

– Ступайте! Вы свободны! – отрывисто бросил Путилин.

– Покорнейше благодарим, ваше превосходительство! – кланяясь чуть не до земли, радостно проговорил гробовщик, пятясь к дверям.

Когда мы остались одни, Путилин искренно, восторженно проговорил:

– Помилуй бог, какой молодец! Тот день, когда я его поймаю, будет днем моего наивысшего торжества!..

Изумруд с крестом

Прошло несколько дней. Необыкновенное приключение с таинственным гробом, из которого во время движения поезда исчез покойник, стало известно петербургской, вернее, всей русской публике и породило самые разноречивые и нелепые толки.

– Вы слышали страшную историю с гробом! Покойник убежал!

– Ну, уж это вы извините: покойники не бегают.

– Но позвольте, это же факт, что гроб оказался пустым?

– Из этого следует, что покойника выкрали.

– Но с какой целью?

– Весьма возможно, что покойник имел на себе драгоценности... Мошенники пронюхали об этом, проникли в вагон и...

– Обокрали его? Прекрасно. Но зачем же им, мошенникам, мог понадобиться сам покойник? Ведь это – лишняя и страшная обуза.

Такие и подобного рода разговоры можно было услышать везде. Стоустая молва, по обыкновению все преувеличивая, перевирая и сдобривая своей досужей фантазией, создала целую чудовищную легенду о появлении какой-то страшной, таинственной шайки «мистических» злодеев, выкрадывающих для ритуальных целей покойников из гробов. Дело дошло до того, что во время похорон родственники, прежде чем гроб их близкого опускали в могилу, требовали, чтобы перед опусканием гроба крышка его была вновь открыта, дабы убедиться, что гроб не пуст!

Путилин был в подавленном состоянии духа. Раскрыть истинный смысл чудесного происшествия с гробом он в интересах дела не мог.

– Хорошенькую кутерьму поднял этот негодяй! – ворчал он. – Воображаю, как хохочет он теперь!..

Доставленный немедленно в сыскную полицию (под строжайшим секретом) виновник всей кутерьмы – гроб с двойным дном – был тщательно исследован.

В то время как мой друг обшаривал пространство, находящееся между первым дном и вторым-потайным, я услышал его подавленно-радостный крик:

– Ага! Хоть что-нибудь, хоть что-нибудь найдено...

– В чем дело? – спросил я, удивленный.

– Смотри!

Путилин держал в руке огромный изумруд.

Этот драгоценный камень был необычайной величины и красоты, принадлежащий к породе редчайших кабошонов – изумрудов. Внутри его – по странной игре природы – совершенно ясно виднелся крест.

Не успели мы как следует осмотреть его, как вошел курьер и подал Путилину депешу:

«Спешу предупредить Вас, мой гениальный друг, что я вчера преблагополучно прибыл в Петербург. Весь – в Вашем распоряжении и к Вашим услугам.

Домбровский».

– Это уж чересчур! – вырвалось у меня.

– Начинается вторая стадия борьбы... – усмехнулся Путилин.

– Ты свободен? – после десятиминутного раздумья спросил меня Путилин.

– Совершенно.

– Поедем, если хочешь, вместе. В одном месте ты меня подождешь, в другое – мы войдем вместе.

Наша карета остановилась около роскошного барского особняка на аристократической С-й улице.

Путилин скрылся в подъезде.

Теперь для плановости рассказа о знаменитых похождениях моего друга я вам воспроизведу ту сцену, о которой позже рассказывал мне он.

Путилин поднялся по дивной лестнице в бельэтаж. Дверь подъезда распахнул ливрейный швейцар, а дверь квартиры – лакей в безукоризненном фраке.

– Графиня дома? – спросил Путилин.

– Их сиятельство дома-с...

Через минуту Путилин был принят графиней.

– Скажите, графиня, это ваш изумруд? – показывая ей замечательный кабошон, спросил он.

Крик радости вырвался из груди графини:

– Мой, мой! Боже, господин Путилин, стало быть, вы нашли мои драгоценности?!

– Увы, графиня, пока еще я не нашел ни драгоценностей, ни их похитителя. Но кто знает, может быть, скоро мне это удастся. Я к вам с просьбой.

– В чем дело?

– Разрешите мне от вашего имени сделать газетные публикации приблизительно такого рода: «Графиня Одинцова сим объявляет, что тот, кто разыщет и доставит ей похищенный в числе многих ее драгоценностей крупный изумруд, в коем виднеется крест, и составляющий фамильную редкость, переходящую из рода в род Одинцовых, – получит в награду сто тысяч рублей».

– Как?! – в сильнейшем недоумении вырвалось у графини. – Но ведь изумруд найден. Вот он – в моих руках. К чему же тогда объявление? И потом – эта огромная награда... Я ровно ничего не понимаю.

– Успокойтесь, графиня... – усмехнулся Путилин. – Спешу успокоить вас, что на самом деле вам никому не придется платить ни копейки. Это объявление нужно мне для особых целей, мотивы о которых я не буду сейчас приводить вам.

– О, в таком случае – пожалуйста, пожалуйста...

Путилин вышел от графини и сел в карету, в которой я его поджидал.

– Гм... – несколько раз вырвалось у него в раздумье.

Карета остановилась около лавки, на вывеске которой был изображен гроб и стояла надпись: «Гробовое заведение Панкратьева».

– Сюда мы можем войти вместе! – обратился ко мне мой друг.

В мастерской гробовщика заказчиков не было. Из рядом находящейся комнаты выскочил на звонок гробовщик Панкратьев и при виде Путилина побледнел, как полотно.

– Ну, любезнейший, я к тебе в гости, – тихо проговорил Путилин.

– Ваше... превосходительство... – пролепетал дрожащим голосом злосчастный гробовщик.

– Придется тебе теперь расплачиваться, голубчик!

– Ваше превосходительство, не погубите! Видит бог, я тут ни при чем! Польстился на деньги, сделал этот проклятый гроб с двойным дном, а для какой надобности – и сам не знаю. Грех, за него теперь и отвечай...

Путилин рассмеялся.

– Ну, так вот слушай теперь, Панкратьев, в наказание за этот грех я назначаю тебе такую кару: к завтрашнему дню ты должен мне изготовить новый гроб и тоже с двойным дном.

У гробовщика зашевелились волосы на голове. Он даже попятился от Путилина.

– К-как-с? Опять-с гроб с двойным дном?! – Признаюсь, и я был удивлен не менее гробового мастера. Что за странная фантазия пришла в голову моему гениальному другу?

– Опять. И опять с двойным дном, – продолжал Путилин. – Только на этот раз дно второе должно быть несколько иное. Слушай теперь мой заказ. Покойник должен лежать не наверху, а в пространстве между первым и вторым дном. Поэтому, дабы гроб казался не уродливо большим, а обыкновенным и – запомни это! – точь-в-точь таким же, как и тот, который ты сработал щедрому заказчику, – ты сделай вот как: первое дно подыми как можно выше, тогда пространство между двумя днами будет настолько широкое, что туда можно будет вполне уместить покойника. Понял?

– Так... точно-с... – обезумевшим от страха голосом пролепетал гробовщик.

– Затем первое дно почти совсем не прикрепляй. Сделай так, чтобы покойник, если ему придет фантазия, мог совершенно свободно выскочить из гроба. В этом фальшивом первом дне просверли такие же отверстия, которые ты сделал в гробовой крышке первого гроба. И попомни, Панкратьев: если хоть одна собака узнает, какой гроб ты мастерил, – я тебя туда упеку, куда Макар телят не гонял! Все сам делай; подмастерья не допускай к работе, жене своей – ни гугу! За гробом я пришлю завтра сам и, конечно, – со смехом добавил Путилин, – за него ровно ничего тебе не заплачу, ибо ты за первый гроб довольно уже содрал.

Путилин заболел

На другой день утром, проглядывая газеты, я натолкнулся на объявление графини Одиновой, о котором вы уже знаете, но о котором я в то время еще не знал.

Я подивился немало.

«Как? – думал я. – Но ведь этот разыскиваемый изумруд – тот самый, который мой друг нашел вчера в потайном отделении таинственного гроба. Вот так штука! Воображаю, как обрадуется Путилин несчастную потерпевшую графиню!»

Вдруг мой взор упал на статью с жирным крупным заголовком: «К таинственной истории с гробом и исчезнувшим из него покойником».

С живейшим любопытством я погрузился в чтение этой статейки. Я приведу вам ее содержание:

«Нет ничего тайного, что не сделалось бы в свое время явным. Мы очень рады, что можем первые разгадать то таинственное приключение с гробом, о котором не перестает говорить столица, и, кажется, что наши читатели оценят наши старания пролить свет на это мрачное темное дело.

Оказывается, в гробу, который во время следования поезда вдруг оказался пустым, находился вовсе не мертвец, а... "живой покойник". Этот живой покойник – знаменитый мошенник и убийца Д., придумавший этот дьявольски остроумный способ бегства с целью избежать захвата и ареста агентами, поджидавшими злодея на всех вокзалах.

Увы, наш талантливый русский Лекок, г. Путилин, на этот раз оказался не на высоте своего исключительного дарования. Он посрамлен гениальным мошенником.

Гроб, доставленный в сыскную полицию, оказался самым обыкновенным гробом, и только на крышке его обнаружены были дырки, ловко замаскированные бархатом, через которые преступник дышал. В гробу ровно ничего не найдено. В настоящее время, как редчайшее уголовно-криминальное орудие, гроб помещен в музей сыскного отделения. Мы имели случай его осмотреть.

Вследствие пережитых волнений с г. Путилиным сделался нервный удар. Состояние здоровья его внушает серьезные опасения».

Когда я прочел это, то даже вскочил и долго не мог прийти в себя от изумления.

– «Что это такое?! Как могли господа-газетчики пронюхать об этом деле, которое держалось в безусловной тайне, строжайшем секрете? И потом – главное, откуда они взяли, что с

Путилиным сделался нервный удар? А что, если действительно с ним сделалось вечером нехорошо? – мелькнула у меня тревожная мысль. – Ведь мы расстались с ним около четырех часов дня, после гробовщика».

Я немедленно велел закладывать мою гнедую лошадку и через несколько минут уже мчался к моему другу.

– Что с Иваном Дмитриевичем? – быстро спросил я курьера.

– Ничего-с... – удивленно смотря на меня, ответил сторож.

Я влетел в кабинет гениального сыщика.

Путилин сидел за письменным столом, проглядывая какие-то бумаги.

Он взглянул на меня и с улыбкой бросил:

– Я знал, что ты сейчас приедешь. Я ожидал тебя.

– Что с тобой? Ты заболел?

– Я? Наоборот: чувствую себя превосходно.

– Так что же это значит? – протянул я ему номер газеты.

Путилин усмехнулся:

– Ах, ты про эту глупую заметку? Мало ли что врут репортеры.

– Но скажи, откуда они могли пронюхать об истории с гробом?

– А черт их знает...

Я подивился в душе тому безразличию и спокойствию, с какими мой друг отнесся к появлению в газете сенсационного разоблачения.

– Если ты свободен, приезжай, дружище, часа в три, – сказал Путилин.

В три часа я был у него.

– Пойдем. Я хочу тебе кое-что показать.

Итальянский ученый

Тот, кто никогда не бывал в сыскных музеях, не может себе представить, какое это мрачное и вместе с тем замечательно интересное место! Мрачное потому, что все здесь напоминает, вернее, кричит о крови, ужасах преступлений, самых чудовищных; интересное – потому, что тут вы наглядно знакомитесь со всевозможными орудиями преступлений.

Какая страшная коллекция криминально-уголовных документов. Чего тут только нет! Начиная от простой фомки и кончая самыми замысловатыми инструментами, на некоторых из них зловеще виднеются темно-бурые, почти черные пятна старой запекшейся крови.

Ножи, револьверы, кинжалы, топоры, веревки, мертвые петли, «ошейники», пузырьки с сильнейшими ядами, шприцы, с помощью которых негодяи отравляли свои жертвы, маски, фонари с потайным светом.

О, всего, что тут находилось, невысказанно перечислить!

Тут воочию вставала пред устранным взором вся неизмеримая по глубине и ужасу бездна человеческого падения, человеческой зверской жестокости, жажды крови.

Страшное, нехорошее это было место.

Посредине комнаты стоял знаменитый гроб лилового бархата. Путилин бросил на него быстрый взгляд и, подойдя к нему, поправил подушку.

– Вот он, виновник моих злоключений!.. – задумчиво произнес он. – Правда, он выглядит все таким же, друже?

– Ну, разумеется. Что с ним могло сделаться? – ответил я, несколько удивленный.

– Ну, а теперь мне надо с тобой поговорить.

– Великолепно. Ты только скажи мне, для чего ты заказал вчера несчастному гробовщику второй гроб с двойным дном?

Путилин рассмеялся.

– Да так, просто фантазия пришла. Наказать его захотел.

Конечно, это объяснение меня не удовлетворило. Я почувствовал, что сделано это моим другом неспроста. Но для чего? Я, однако, решил об этом у него не допытываться.

– Так в чем дело?

– А вот видишь ли: не улыбается ли тебе мысль сделаться на сегодня, а может быть, и на завтра сторожем нашего музея?

Я от удивления не мог выговорить ни слова.

– Если да, то позволь мне облачить тебя вот в этот костюм.

И с этими словами Путилин указал на форменное платье сторожа-курьера, приготовленное им, очевидно, заранее.

– Тебе это надо? – спросил я моего друга.

– Лично мне – нет. Я хочу доставить тебе возможность насладиться одним забавным водевилем, если... если только, впрочем, он состоится. Говорю тебе откровенно, я накануне генерального сражения.

Я ясно видел, что Путилин был действительно в нервно-приподнятом настроении.

– Но ты, конечно, дашь мне инструкции соответственно с моей новой профессией, вернее, ролью? Что я должен делать?

– Ты останешься здесь. Лишь только ты услышишь первый звонок, ты придешь ко мне в кабинет. А там я тебе все быстро объясню.

Я начал переодеваться и вскоре превратился в заправского курьера-сторожа.

Мой друг напялил мне на голову парик, прошелся рукой искусного гримера по моему лицу и затем внимательно оглядел меня с ног до головы.

– Честное слово, доктор, ты делаешь громадные успехи!

И покинул меня.

Прошло с час.

Я почувствовал себя, откровенно говоря, чрезвычайно глупо.

В сотый раз я осматривал знакомые мне до мелочей страшные орудия музея.

Послышался звонок.

Я быстро пошел в кабинет моего друга, минуя ряд комнат. Я видел, с каким изумлением глядели на меня обычные сторожа Сысского управления.

– Откуда этот новенький появился? – доносился до меня их удивленный шепот.

В кабинете перед Путилиным стоял его помощник, что-то объясняя ему.

В руках Путилина была большая визитная карточка, которую он рассматривал, казалось, с большим вниманием.

При моем входе помощник Путилина взглянул на меня недоумевающе.

– Вы разве не узнаете, голубчик, нашего дорогого доктора, всегдашнего участника наших походов?

Помощник расхохотался.

– Да быть не может? Вы?!

– Я.

– Ну и чудеса начинают у нас твориться!

– Скажи, пожалуйста, ты никогда не слыхал о таком господине? – спросил меня Путилин, подавая визитную карточку, которую держал в руке.

Я взял карточку и прочел:

ПРОФЕССОР ЕТТОРЕ ЛЮИЗАНО

Член Римской Академии Наук,

занимающий кафедру судебной медицины.

Рим

– Не знаю... – ответил я.

– Скажите, голубчик, чего хочет этот господин? – обратился к помощнику Путилин.

– Он на плохом французском языке обратился ко мне с просьбой осмотреть – научных целей ради – наш криминальный музей. Наговорив кучу любезностей по адресу нашего блестящего уголовного сыска, он заметил, что в осмотре музея ему не было отказано ни в Англии, ни в Германии, ни во Франции.

– Вы сказали ему, что разрешение осмотра музея посторонним лицам зависит от начальника, а что начальник, то есть я, в настоящее время болен?

– Сказал. На это он ответил, что обращается с этой же просьбой ко мне, как к вашему заместителю.

Путилин забарабанил пальцами по столу и выдержал довольно продолжительную паузу.

– Как вы думаете: разрешить ему осмотр?

– Отчего же нет. Неловко... Нас и так дикарями за границей считают.

– Хорошо. Теперь слушайте меня внимательно, голубчик: в середине осмотра вы должны выйти из комнаты под предлогом отдачи экстренных распоряжений. Идите! Вы впустите этого чудака-профессора не ранее, чем я дам вам мой обычный условный звонок.

Помощник удалился.

– Слушай же и ты, докториус: сию минуту ступай туда и, лишь только во время осмотра мой помощник удалится, ты немедленно выйди за ним следом. Понял? Профессор на секунду останется один. Следи за часами. Ровно через две минуты иди в музей.

Я следил за часовой стрелкой.

Минута... вторая... Я быстро направился в «кабинет преступной музейности».

Он был пуст.

Я встал у дверей.

Где-то послышался звонок. Почти в ту же секунду дверь антропометрического музея распахнулась и в сопровождении идущего впереди помощника Путилина появилась фигура итальянского ученого профессора.

Это был настоящий тип ученого: высокий, сутуловатый, с длинными седыми волосами, с огромными темными очками на носу.

– О, какая прелесть у вас тут! – шамкал на ломаном французском языке Еttore Люизано. – Какая блестящая коллекция! В Лондоне... А... скажите, пожалуйста, это что же? – И он указал на гроб, мрачно вырисовывающийся на фоне этой преступно-страшной обстановки.

– Это последнее орудие преступления, профессор! – любезно объяснил помощник Путилина.

– Гроб?!

– Да.

– О, какие у вас случаются необычайные преступления! – удивленно всплеснул руками итальянский ученый.

Начался подробный осмотр.

Профессор, живо всем интересуясь, поражал своим блестящим знанием многих орудий преступления.

– Боже мой! – шамкал он. – У нас в Италии точь-в-точь такая же карманная гильотина!

– Простите, профессор, я вас покину на одну секунду. Мне надо сделать одно важное распоряжение относительно допроса только что доставленного преступника... – обратился помощник Путилина к профессору.

– О, пожалуйста, пожалуйста! – любезно ответил тот.

Я направился следом за помощником.

– Так что, ваше высокородие... – проговорил я, скрываясь за дверью соседней комнаты.

Прошло секунд пять, а может быть, и минута. Теперь это изгладилось из моей памяти. Вдруг страшный, нечеловеческий крик, полный животного смертельного ужаса, прокатился в кабинете-музее.

Я похолодел.

– Скорее, – шепнул мне помощник Путилина, бросаясь туда.

Мы оба бросились туда и, распахнув дверь, остановились, пораженные.

Гроб стоял, приподнявшись!

Из него в пол-роста высовывалась фигура Путилина с револьвером в правой руке.

Около гроба, отшатнувшись в смертельном страхе, стоял с поднятыми дыбом волосами профессор. Его руки были протянуты вперед, словно он защищался от страшного привидения.

– Ну, господин Домбровский, мой гениальный друг, здравствуйте! Сегодня мы квиты с вами? Не правда ли? Если в этом гробу я проводил вас, зато вы встретили меня в нем же самом.

– Дьявол! – прохрипел Домбровский. – Ты победил меня!..

На Домбровского надели железные браслеты. Он перед этим просил, как милости, пожать руку Путилину.

– Знаете, друг, если бы вы не были таким гениальным сыщиком, какой бы гениальный мошенник мог получиться из вас!

– Спасибо! – расхохотался Путилин. – Но я предпочитаю первое.

– Как ты все это сделал? – спрашивал я вечером Путилина.

Триумф его был полный.

– Как?.. Видишь ли... И объявление, и статья – были делом моих рук. Это я их написал и напечатал. Гроб, который ты видел, был второй гроб, в дно которого я и спрятался. Я был убежден, что Домбровский, случайно оставивший изумруд в гробу, явится – при таком щедром посуле – за ним. Когда мне подали карточку «профессора», я знал уже, что это Домбровский. Когда вы вышли из кабинета-музея, негодяй быстро подошел к потайной части гроба и попытался найти драгоценный кабошон. В эту секунду я, приподняв фальшивое дно, предстал пред ним. Остальное тебе известно.

Ритуальное убийство девочки

Исчезновение семилетней девочки из поезда

Грязный вагон третьего класса поезда, подъезжающего к губернскому городу Минску, был битком набит обычной публикой.

Большинство ее состояло из евреев, так как Минск в то время был густо, почти сплошь заселен ими. Евреи – преимущественно бедняки, не принадлежавшие к золотой еврейской буржуазии, а мелкие торговцы – одеты были грязно, неряшливо, в свои тогдашние традиционные засаленные лапсердаки, в характерных суконных, а большей частью бархатных картузах, из-под которых длинными завитушками-локонами опускались пейсы. Некоторые из них дремали; другие, наоборот, вели оживленную беседу на своем быстром гортанном языке; третьи, закусывая селедками с булкой, апатично глядели в вагонные окна, за которыми мелькали поля, почти уже свободные от снега, так как стояла ранняя весна. Но среди еврейских пассажиров в этом вагоне третьего класса находились и трое русских: женщина, мужчина и девочка лет шести-семи.

Женщина средних лет, понурого вида, одетая чисто, но бедно, сидела на одной лавке, по-видимому вся уйдя в свои тоскливые, грустные думы; мужчина – высокий человек в черной шинели и фетровой шляпе с широкими полями – на другой.

Девочка, прелестный ребенок с вьющимися белокурыми волосами все время вертелась около женщины, лепеча своим тоненьким детским голоском:

– Мама! Мы скоро приедем?

– Скоро, скоро, детка! – отрываясь от дум, отвечала мать, с невыразимой нежностью поглядывая на девочку.

– А мы поедем на лошадке? – не унималась девочка.

– Да, да... – рассеянно отвечала женщина.

Прошел кондуктор.

– Сейчас Минск. Ваши билеты! – громко провозгласил он.

Теперь в вагоне началось то суетливое движение, какое всегда наступает при приближении поезда к крупным центрам его остановки.

Одна лишь женщина оставалась покойно-равнодушной, не трогаясь с места и глядя тоскливым взором в окно.

Укладываться ей, очевидно, было не надо, так как с ней не было никаких вещей.

Поезд подошел к станции.

Почти в ту же секунду испуганный женский крик прорезал гул суматохи:

– Женя! Женечка, где же ты?

Некоторые из пассажиров остановились. Слишком уж много тревоги прозвенело в надтреснутом голосе женщины.

Женщина в испуге металась по вагону, не переставая кричать все одно и то же:

– Женя, дитя мое, где ты? Господи... – Лицо ее было искажено страхом, ужасом. Она, толкая всех, как безумная, бросалась в разные стороны вагона, заглядывала под лавки, выбежала на площадку, и ее крик становился все более и более отчаянно-страшным.

– Что такое? Что случилось? – слышались возгласы пассажиров. – Кого ищет эта женщина?

– А кто ее знает... – недовольно буркали некоторые, не могущие, благодаря суматохе-давке, выбраться из вагона.

А женщина выбежала уже на платформу, которая огласилась ее безумным воплем:
– Спасите! Помогите! У меня пропала дочь! – Она, точно тигрица, заступила путь выходящим, простирая к вагону руки.

К месту происшествия стали сбегаться досужая публика и пассажиры.

Вскоре огромная толпа образовала тесный круг, в середине которого стояла женщина, ломая в отчаянии руки, с побелевшим, перекошенным лицом.

Толпа шумела, глухо волновалась.

– Что? Что такое?

– Да вот у женщины что-то украли... Вещи какие-то.

– Неправда, не вещи, а дочь у нее пропала.

– С поезда упала.

Нестройный гул толпы все усиливался.

– Господа, позвольте, позвольте... дайте пройти! – раздался громкий голос жандарма.

Появилось в полном составе все железнодорожное начальство станции.

Страшное, нудное женское рыдание, переходящее в истерику, оглашало перрон вокзала:

– Ай-ай-ай! Ха-ха-ха!.. Дочка моя... Женечка!..

– Сударыня, ради бога, успокойтесь! – говорил женщине тучный жандармский чин. – Вы объясните, что случилось? У вас, вы говорите, пропала дочь? Когда?..

– Сейчас... подъезжая... она была около меня. Я с ней сейчас говорила... вдруг хватилась – ее нет... В несколько минут... Ради всего святого, найдите мою дочь!

И женщина, давась слезами, умоляюще протянула жандарму дрожащие руки.

– Сколько лет вашей дочери?

– Семь... семь лет моей ненаглядной Женечке.

– Она выходила куда-нибудь? Вы не заметили этого?

– Не знаю... я смотрела в окно.

К группе властей протиснулся высокий человек в черной шинели и фетровой шляпе.

– Да, я видел сам, что у этой женщины был ребенок. Прелестная белокурая девочка... – послышался его резкий голос. – Бедная женщина! Я видел, как она любовно относилась к своему ребенку, как она целовала его головку. Это ужасно!

В толпе раздалась сочувственные возгласы:

– Бедная мать!

– Но как так невнимательно следить за ребенком! – укоризненно шептала какая-то разодетая барынька.

С некоторыми, наиболее нервными и чувствительными, пассажирами началась истерика.

– Пригласите врача! – отдал приказ жандармский офицер. – Вы не заметили, за сколько минут до прибытия сюда поезда исчезла девочка?

– Нет, ротмистр, не заметил.

– Осмотреть весь поезд! – отдал он приказ низшим жандармам. – Сударыня, успокойтесь... Доктор, окажите помощь!

Женщина, подхваченная вовремя на руки, впала в глубокий обморок.

Толпа все прибывала, росла.

– Если ребенка не окажется в поезде, – обратился он к начальнику станции, – придется прийти к заключению, что он, выйдя на площадку вагона, упал с перехода между вагонами на путь. Сделайте распоряжение о немедленном осмотре пути, дорогой У!

– У вас мелькает только одна *такая* догадка? – обратился к офицеру пассажир в фетровой шляпе. – А вы не думаете, что несчастную девочку могли похитить?

– Похитить? С какой стати? – строго поглядел на непрошеного собеседника жандармский чин.

– С какой именно, я, конечно, не знаю и не смею утверждать, но... разве у нас мало пропадает детей чрезвычайно таинственным и бесследным образом? Вы простите, что я позволяю себе вмешиваться в это дело, но горе матери меня слишком глубоко захватило. Не находите ли вы, ротмистр, странным, что исчезновение христианских детей всегда наблюдается перед наступлением еврейской пасхи?

Высокий мужчина проговорил это громким голосом, резко, ясно, спокойно.

При этих словах толпа замерла.

Воцарилась удивительная тишина. В толпе находилось много евреев, и лица их вдруг побледнели...

– Позвольте, милостивый государь... – смешался от неожиданности этого странного заявления жандармский ротмистр. – Я попрошу вас взвешивать ваши слова. Вы, не имея данных, бросаете чересчур резкое и тяжкое обвинение. По какому праву? На каком основании?

– По праву наблюдений, которые я производил над исчезновением христианских младенцев, и на основании изысканий многих авторитетов, доказывающих, что у евреев существуют страшные ритуальные убийства... Странное дело, вернее, совпадение... Вы посмотрите: до еврейской пасхи осталось несколько дней, и... вот сейчас в поезде, в котором ехала такая масса евреев, чудесным образом пропадает у матери-христианки ее дитя...

Теперь толпа заколыхалась, словно море, над которым пронеслось первое дуновение шквала.

– Это подлость... Он врёт... Как он смеет! – послышались голоса одних.

– Правда, правда! Это подозрительно... Что за постоянное совпадение!.. – раздался голоса других.

– Господа, прошу немедленно разойтись! – резко приказал начальник станции. – Следственная власть все расследует.

– А вас я попрошу на минутку в жандармскую комнату, – тихо обратился к гражданину в фетровой шляпе жандармский офицер.

Еврейская депутация у Путилина. Изрешеченный труп. Ритуальное дело

– Что ты скажешь на это, доктор? – спросил меня мой гениальный друг Путилин, показывая мне телеграмму о таинственном исчезновении близ Минска из вагона поезда семилетней девочки Сенюшкиной.

– Что я могу ответить тебе на это, Иван Дмитриевич? – пожал я плечами. – Я, как и ты, мы держимся одинакового взгляда на ритуальные убийства: их нет, их не может быть, ибо это идет в корне вразрез с известным отвращением иудеев к христианам. Величайший нонсенс – допускать мысль об употреблении евреями христианской крови в качестве пасхального причастия. На мой взгляд, это – одно из самых страшных наследий-пережитков средних веков, когда ликующее христианство в бешеном гонении «избранного народа» возвело на него такой безумно-ужасный извет. Это разгул изуверского фанатизма. Слова «кровь моя на вас и на детях ваших» извращены в смысле: кровь моя, великого пророка Нового учения, будет в вас и в детях ваших. Отсюда страшная легенда об употреблении христианской крови.

– Я очень заинтересован этим делом, – задумчиво произнес великий сыщик. – Как тебе известно, мне ни разу не приходилось принимать участия в разрешении и проверке этой проклятой загадки человеческой жизни. Я сделал запрос минским властям. С минуты на минуту я ожидаю ответа.

Прошло несколько минут, и Путилину подали депешу.

Я следил за выражением его лица и заметил, как он вдруг побледнел.

– На, прочти! – подал он мне телеграмму.

«Сегодня, в два часа дня, во дворе дома еврея Губермана, в люке выгребной ямы отыскан труп исчезнувшей Евгении Сенюшкиной. Труп девочки весь изрешечен ранами-уколами ножа. Вся кровь выпущена, очевидно, в результате заколки трупа. Губерман арестован».

Когда я прочел это, ледяной холод пробежал у меня по спине.

Я молча поглядел на великого сыщика, но сказать ему ничего не успел, так как в эту секунду дежурный агент доложил:

– По экстренному делу, ваше превосходительство, вас домогаются видеть трое.

– Евреев? – быстро спросил Путилин.

– Да-с... – удивленно ответил тот.

– Впустите их, – отдал он приказ.

В кабинет вошли три господина, несомненно, евреи, что сразу можно было определить по их наружности.

Особенно обращал на себя внимание один из них – высокий симпатичный старик с длинной седой бородой, обрамляющей открытое, умное лицо. Это был настоящий тип библейского пророка. Он низко поклонился Путилину, равно как и два его спутника, и проговорил дрожащим голосом:

– Простите, ваше превосходительство господин Путилин, что мы дерзаем...

– Прошу покорно садиться, господа! – любезно пригласил великий сыщик. – Что привело вас ко мне?

– Страшное, необыкновенное дело... – взволнованно начал старик. – Мы явились к вам по поручению, которое получили телеграфом от барона Г., господина П. и господина В-го.

Старик еврей назвал три громких фамилии еврейских крезов-воротил.

– Изволили ли вы читать о таинственном исчезновении христианской девочки из поезда?

– Читал.

– Так вот, с быстротой молнии по городу Минску разнеслась весть, неизвестно кем пущенный слух, что это исчезновение – дело рук евреев, будто бы укравших ребенка. Весь город в панике. Озлобление христиан против нас ужасное. Того и гляди может разразиться погром. А ведь вам должно быть известно, какой это ужас – погром. Ни для кого из нас не тайна, какой вы великий человек, господин Путилин. Мы получили предписание обратиться к вам с горячей мольбой взяться за расследование этого дела. Только вы один, с вашей проницательностью, с вашей гениальной прозорливостью можете раскрыть эту тайну, можете снять с нас мрачное и гнусное обвинение, которое нас преследует столько лет, столько веков. О, господин Путилин, мрачная туча собирается над головой несчастного племени, и когда? В то время, когда мы собираемся встречать великий праздник! Сжальтесь над нами, возьмитесь за это дело – и наша благодарность будет безгранична. Оцените ее сами...

– Я вас прошу, – резко отчеканил гениальный сыщик, – не говорить мне ни о какой цене. Я не беру никаких вещественных знаков благодарности.

Он погрузился в продолжительное раздумье.

– Я должен вам заявить, господа, – громко начал Путилин, не спуская глаз с лиц евреев-депутатов, – что, к сожалению, моя помощь уже бесполезна. Вы явились слишком поздно.

– Как поздно? Почему поздно? – заволновался, вскакивая, старик еврей. – О, господин Путилин, для вас не может быть ничто и никогда поздно!

– Поздно потому, что похититель и убийца...

– Убийца? Разве девочку уже убили?

– И убийца уже найден.

Старик еврей высоко простер руки.

– Благодарю тебя, Боже! – вдохновенно вырвалось у него. – Не за то, что погиб бедный ребенок, а за то, что Твоя десница указала гнусного похитителя и убийцу малютки! О, скажите нам, кто этот злодей?

– Гу-бер-ман! – невозмутимо-спокойно, по слогам, произнес гениальный сыщик.

Если бы здесь, вот в эту секунду разорвалась бомба, она бы не могла произвести более потрясающего эффекта, чем одно это слово.

Старик еврей в ужасе попятился от Путилина, два других, вскочив со своих мест, замерли-окаменели.

– К... как? Губерман?! Вы говорите: ребенка похитил и убил Губерман, уважаемый минский житель Иосиф Соломонович Губерман?

– Да.

Старик заметался.

– Это жестокая шутка, ваше превосходительство... – с трудом слетело с его трясущихся губ. – О, это ужасная выдумка!

– Вот то донесение, которое я, сильно заинтересованный этим делом, только что получил. Потрудитесь послушать.

И Путилин громко, внятно прочел содержание депеши.

– Этого быть не может... Это подвох со стороны какого-нибудь нашего заклятого врага! – исступленно заревел библейский старец и вдруг грохнулся перед Путилиным на колени. – Ваше превосходительство! Господин Путилин! Теперь более чем когда-нибудь мы умоляем вас взяться за расследование этого страшного дела! Клянемся вам именем Бога и святой Торы, клянемся нашими детьми и потомками – у нас не существует ритуальных убийств! Спасите нас, пролейте свет на это мрачное происшествие!

Старик судорожно старался поймать и поцеловать руку великого сыщика.

Путилин, человек чрезвычайно мягкий, доброжелательный и сердечный, был растроган и поражен этим страшным взрывом отчаяния.

– Что вы... Что вы... Встаньте... Ну, хорошо, ну, хорошо... – мягко забормотал он. – Я возьмусь за ваше таинственное дело и постараюсь сделать все, что смогу. Теперь слушайте: там, у вас в Минске, знают, что вы обратитесь ко мне?

– О нет!.. Хотя, если... А, впрочем, может быть...

– Так вы вот что сделайте: немедленно дайте знать, чтобы ваши посланцы всюду развонили, что Путилин наотрез отказался вмешиваться в это дело. Поняли? Ну, а теперь прощайте, господа!

Когда обрадованные евреи вышли, великий сыщик написал шифрованную депешу следующего содержания:

«Сильно заинтересованный делом о предполагаемом ритуальном убийстве, выезжаю сейчас экстренным заказным. Труп девочки оставьте до моего приезда.

Путилин».

В Минске. Еврейское гетто. Перед погромом

Мы приехали в Минск рано утром, мчась из Петербурга с огромно-допустимой быстротой.

На вокзале нас встретил симпатичный толстяк, который при виде выходящего из вагона моего гениального друга поспешно направился к нему.

– На гастроли к нам, глубокоуважаемый Иван Дмитриевич? Ваше превосходительство не баловало нас никогда своим посещением.

Путилин улыбнулся и представил меня толстяку.

– О, я не отниму ни одного лавра от вас, дорогой коллега! – шутливо ответил великий сыщик. – Да и, собственно говоря, к чему теперь моя консультация, раз вы столь блестяще повели дело, что труп и убийца уже найдены?

По дороге с вокзала до «Европейской» гостиницы (мы ехали втроем в карете) Путилин молчал и смотрел в окно.

Несмотря на ранний час и на то что был первый день еврейской пасхи, на улицах тихого губернского города царило необычное оживление.

Особенно много бросалось в глаза евреев.

Они, не в праздничных, а в затрапезно-будничных, почти траурных одеяниях, ходили кучками по тротуарам, составляя порой группы. Лица их были угрюмы, бледны, взволнованны. Видимо, какой-то общий страх, какая-то общая паника властно охватили еврейскую толпу и цепко держали ее в своих руках.

Евреи о чем-то оживленно говорили, качали головами, так что их длинные бороды и пейсы раздувались в свежем весеннем воздухе.

Некоторые из них отчаянно жестикулировали.

Когда мы высаживались у подъезда гостиницы из кареты, до нас совершенно ясно донеслось из близстоящей группы евреев имя великого сыщика.

– Ай-ай-ай, Путилин, – сокрушенно качалась чья-то седая голова.

– Что это? – удивленно прошептал местный Лекок. – Вы слышали? Никак они уже пронюхали о вашем приезде, узнали вас?

– Нет. Этого они не знают, уверяю вас! – твердо, с чуть заметной иронической усмешкой проговорил мой талантливый друг.

В номере гостиницы он, даже не переодевшись, прямо приступил к допросу своего коллеги:

– Скажите, голубчик, как это вам посчастливилось столь быстро напасть на след этого страшного преступления?

– Видите ли, Иван Дмитриевич, сразу после пропажи девочки по городу усиленно стали циркулировать слухи о возможности похищения ребенка евреями. Теперь ведь их пасха, а, как известно вашему превосходительству, в Западном крае у нас особенно живуча легенда о ритуальных убийствах евреями. Естественно, я усилил надзор над еврейскими кварталами, над их гетто. Все агенты были поставлены на ноги. И вдруг, совершенно неожиданно девочка, вернее, ее труп был найден на второй же день.

– Кто же отыскал его? – бесстрастно задал вопрос Путилин.

Толстяк улыбнулся.

– Ни за что не догадаетесь, высокочтимый Иван Дмитриевич! Представьте, что огромную услугу правосудию оказала... собака! Дело произошло таким образом. Один из моих агентов, проходя Второй улицей, вдруг услышал заунывный, громкий, протяжный вой собаки. Собака выла, не переставая. Он случайно посмотрел на дом, откуда доносился этот за душу хватающий вой, и увидел на дощечке дома надпись: «Дом И. С. Губермана».

– Простите, коллега, один вопрос: кто этот Губерман?

– Местный воротила, занимающийся дисконтом и не скажу, чтоб ростовщичеством, но отдачей денег в рост, под залог имений, домов и т. д.

– Благодарю вас. Продолжайте.

– Немедленно ко мне явился этот агент: «Собака воеет подозрительно. А что, если...» Этого было довольно. Я ухватился за вздорное, быть может, на первый взгляд, предположение и в сопровождении двух загримированных агентов явился под предлогом какого-то дела во двор дома Губермана. Большая цепная собака из породы овчарок в глубине двора, у забора, с неистовым воем и лаем рвалась с цепи. Я попросил Губермана спустить собаку с цепи. Он побледнел, как полотно.

- Ни за что! – воскликнул он в испуге. – Она может разорвать всех нас.
- Неужели она не знает и вас? Пожалуйста, спустите! Я настаиваю на этом!

И с этими словами я подошел к животному, держа на всякий случай револьвер в руке. К моему удивлению, овчарка совершенно спокойно дала мне снять с ее шеи ошейник и, лишь только освободилась, стремглав бросилась к выгребной яме, прикрытой деревянной крышкой. Урча и воя, она принялась ожесточенно скоблить когтями по доскам крышки. Я немедленно велел открыть выгребную яму, и...

- Там лежал труп бедной девочки? Так?
- Да.

– И на основании этого вы немедленно арестовали Губермана?

– Ну разумеется! Простите, мой знаменитый коллега, или вы находите эту страшную улику недостаточной для ареста преступника? – В голосе губернского Горона послышалась легкая насмешка.

– Кто вам это сказал? Наоборот, я удивляюсь вашей превосходной прозорливости. Вы поступили для торжества правосудия великолепно, арестовав страшного преступника. Скажите мне теперь: девочка была действительно обескровлена?

– О да! Таково заключение врачей. Вы сейчас ее можете увидеть. Ваш друг, известный доктор Z., – указал он на меня, – подтвердит вам это. Все ее тело в проколах.

– Скажите: мать ее ни на кого не заявляла подозрения?

– Ни на кого. Она – бедная вдова, у нее нет ни врагов, ни завистников.

– Губерман, конечно, упорно отрицает свое участие в этом деле?

– Ну, разумеется...

– Вы не узнавали, откуда вдруг разнесся слух о похищении девочки евреями, о ритуальном убийстве? – быстро задал он вопрос.

Великий сыщик встал и пронизал своего коллегу взглядом своих удивительных проникновенных глаз.

– Вы спрашиваете: откуда взялся слух? Конечно, со стороны русских. На вокзале разыгрался почти скандал. Многие пассажиры были страшно возмущены и возбуждены против евреев.

– Ну, вот и все, коллега. Спасибо. Вы будете так добры, не откажетесь соспутствовать нам с доктором по тем местам, куда мы сейчас поедем?

– Что за вопрос, ваше превосходительство? Я так польщен... так горжусь вашим приездом, вашей гениальной помощью... Вы ведь не нам чета, простым смертным.

Путилина передернуло.

Этот редкий человек не выносил открытой, грубой лести.

... Через час мы ехали по улицам Минска.

Теперь уже совершенно ясно в воздухе чувствовалось приближение грозы. Увы, не благодатно-весенней грозы природы, а мрачной, братоубийственной.

Что-то страшное, зловещее пологом нависло над городом.

Большие толпы народа виднелись на Соборной площади, на улицах, но в этой толпе теперь мало, поразительно мало было видно евреев. Все магазины были наглухо закрыты ставнями.

Доносился возбужденный гул голосов, слышались пьяные песни, звуки гармоник.

Путилин был мрачен, как никогда.

– А этого вы не видели? – сухо обратился он к губернскому Горону.

И он указал на закрытые ставни одного из домов, на которых мелом были начерчены кресты.

– А что это?

– Это грозный предвестник погрома. Держу пари, этот дом с крестами – еврейский. Вы простите меня, но... по-моему, вы поступили очень неосторожно.

– А именно? – обидчиво повернулся к великому сыщику толстяк.

– Вы чересчур уж открыто, явно обнаружили убийство... с ритуальной целью. Тут, принимая во внимание страшность обвинения... пардон! Я хотел сказать – преступления, следовало соблюдать особую осторожность. В горячий материал надо осмотрительнее всовывать легковоспламеняющиеся вещества. Стой! – Путилин резко осадил кучера.

Перед большой толпой простолюдинов стоял высокий человек в черной шинели и фетровой шляпе. Он, сильно размахивая руками, что-то возбужденно объяснял толпе.

Путилин быстро выскочил из кареты и подошел к человеку в черном.

– Да, ужасное преступление! – вслух произнес он.

– Не правда ли? – живо повернулась к нему черная шинель.

Секунда... И Путилин, слегка поклонившись, быстро сел в карету. Вся сцена прошла мимолетно.

«Горячий свидетель». «Ритуальные» проколы. В тюрьме у преступника

Путилин заехал к влиятельнейшему лицу в городе и пробыл у него недолго. Когда он сел в карету, я увидел, как довольная улыбка трогала концы его губ.

– На вокзал! – отдал он приказ кучеру. – Скажите, коллега, ведь там, на вокзале, был составлен первый протокол?

– Да, да, уважаемый Иван Дмитриевич, – ответил глава минского сыска.

– Состав жандармского наряда там одинаков?

– Да. Сменяются на часы, но состав тот же.

Я никогда еще не видел моего знаменитого друга в таком резко приподнятом состоянии духа. Глаза его сверкали, он весь был – один порыв.

В жандармской комнате нас встретил тучный, упитанный штабс-ротмистр.

Услышав фамилию Путилина, он рассыпался в комплиментах.

– Скажите, ротмистр, это дело вам памятно все до мелочей?

– Помилуйте, ваше превосходительство, конечно! Всего ведь трое суток прошло...

– На одну минутку, в сторонку... Всего два вопроса...

Мы с местным Лекоком остались в середине комнаты и видели, как Путилин о чем-то спрашивал офицера.

– Да?

– Да.

– Вы хорошо помните?

– Как нельзя лучше.

– Ну, вот и все. Спасибо!

И, пожав руку ротмистру, великий сыщик подошел к нам.

– В путь-дорогу, господа! Ну, помилуй бог, какой горячий свидетель!

Эти последние слова он произнес сам про себя, как бы мурлыкая.

– О каком горячем свидетеле говорите вы, ваше превосходительство? – ревниво спросил моего друга его провинциальный коллега.

– Да вот... о милейшем ротмистре... – ответил Путилин, садясь в карету.

Через минут пять мы были в особом помещении участка, где находился труп несчастной жертвы гнусного, страшного злодеяния.

Путилин отдернул кисейку, которой была прикрыта бедная девочка, и обратился ко мне:

– Твое мнение, доктор?

Бедный ребенок! Я как сейчас его вижу. Головка херувима с длинными белокурыми локонами... Лицо ужасно: выражения такого страшного физического страдания мне еще никогда не приходилось наблюдать.

Я взял труп на руки и поднес его к яркому свету окна. Проклятые проколы были видны до удивительности, и весь труп, обескровленный до капли, казался восковым, прозрачным.

– Мне приходится только присоединиться к мнению моих коллег, – с дрожью в голосе ответил я. – Какое подлое изуверство!

– Эти страшные проколы наносились живой или мертвой девочке?

– Судя по отпечатку на ее лице невыносимых физических мук, мы должны прийти к заключению, что ее истязали живую.

– Чем сделаны эти раны-проколы?

– Каким-нибудь орудием вроде круглого острого стилета, шила...

С невыразимо тяжелым чувством покинули мы эту комнату, где лежал трупик несчастной мученицы. Всю дорогу до тюрьмы, куда мы прямо отправились, перед моими глазами стояло страшное лицо девочки.

Подойдя к одиночной камере заключенного преступника Губермана, провинциальный коллега великого сыщика сказал ему:

– Вы, высокочтимый Иван Дмитриевич, поболтайте с ним без меня, мне надо навести кое-какие справки в канцелярии.

С протяжным скрипом открылась перед нами дверь камеры.

– Вы стойте в коридоре, у дверей... – обратился Путилин к надзирателю и двум конвойным солдатам.

При нашем входе человек, сидевший в позе глубокого отчаяния на табурете перед привинченным к стене столом, испуганно вздрогнул и быстро встал.

Это был Губерман, тот страшный изверг естества, которому молва и судебное следствие приписали такое жестокое преступление.

Невысокого роста, коренастый, уже пожилых лет, он обладал лицом далеко не симпатичным. Что-то алчное сверкало в его узких глазах, в которых застыл теперь и большой испуг.

– Здравствуйте, Губерман! – произнес великий сыщик, подходя к нему и не спуская с его лица пристального взгляда.

Еврей-дисконтер молча поклонился, с недоумением глядя на Путилина.

– Я – Путилин.

Лишь только мой друг назвал себя, как ростовщик вздрогнул. Его словно качнуло.

– Вы – Путилин?! Знаменитый Путилин? – пролепетал он.

Я заметил, как краска бросилась ему в лицо, но вместе с тем какая-то радость сверкнула в его глазах.

Путилин усмехнулся.

– Оставляя в стороне эпитет «знаменитый», покончим просто на Путилине. Ну-с, а теперь давайте поговорим с вами. Вы догадываетесь или, быть может, знаете о цели моего приезда сюда?

Обвиняемый ростовщик отрицательно покачал головой.

– Нет? Тем лучше. Извольте видеть, ваши сородичи упросили меня взяться за частное расследование вашего дела.

– О, господин Путилин! – рванулся к нему Губерман. – Спасите меня! Клянусь вам, я не повинен в этом страшном убийстве!

– Я постараюсь сделать для вас все, что могу, но при условии, что будете со мной вполне откровенны.

– Спрашивайте все, что угодно, я ничего не утаю от вас!

– Вы клянетесь, что *вы* не совершали этого преступления. Допустим, я хочу вам верить. Но можете ли вы убежденно вашей святой Торой поклясться, что никто другой из ваших сородичей не мог совершить *этого*?

– Могу! Могу поклясться, чем хотите. У нас нет, не существует ритуальных убийств. Это страшная клевета на еврейство.

– Скажите, у вас много врагов?

– Больше, чем друзей, господин Путилин.

– Эти враги – на почве вашей профессии ростовщика?

Губермана передернуло.

– Я, видит бог, никого не грабил...

– Позвольте: вы уже забыли и нарушаете ваше обещание говорить мне одну лишь правду. Предупреждаю вас: еще одна ложь – и я бросаю ваше дело. Итак, отвечайте: ваши враги на почве ваших дяляческих операций?

– Да... – не поднимая головы, прошептал ростовщик.

– Вы многих разорили?..

– Я их не разорял. Они, должники, сами себя разорили... Они брали деньги... Векселя... Неустойки. Опись... продажа с молотка...

– И много, я спрашиваю, таких, которые «сами себя разорили», благодаря знакомству с вами?

– Много.

– Не из евреев?

– Нет.

– Вы помните ваших русских клиентов всех хорошо?

– Нет... Где же упомянуть, господин Путилин?..

– Но особенно лютых врагов знаете? С кем за последнее время вы имели столкновение из-за сведения денежных расчетов?

Губерман начал, медленно обдумывая, перечислять фамилии.

– Кто-нибудь из них грозил вам мстостью?

– Ах, господин Путилин, это были обычные фразы о том, что я захлебнусь проклятым золотом, что мне отольются их слезы...

Ростовщик схватился за голову и вдруг зарыдал.

– Ай-ай-ай... – вырывалось у него с рыданием. – И правда это! Сбылось их проклятье... Золото, кажется, действительно и сгубило меня. Все бы теперь отдал за свободу, за то, чтобы снять с себя такое страшное обвинение.

Путилин с сожалением поглядел на еврея.

– А такого вы не знаете? – тихо спросил он у него.

– Нет, что-то не помню...

– Я вам опишу приметы его.

И когда он описал эти приметы, получил тот же отрицательный ответ.

– В ночь накануне обнаружения трупа в вашей выгребной яме вы не слышали подозрительного шума, лая собаки во дворе?

– Может быть, и лаяла собака, не знаю. Мало ли когда она лает. Я нарочно ее приобрел, чтобы она охраняла двор.

Путилин погрузился в раздумье.

– Неутешительно, – пробормотал он, вставая. – Ну, прощайте, Губерман, а лучше – до свидания.

Домик с двумя окнами

Когда мы подъехали к дому Губермана и вошли во двор, лицо Путилина было мрачно и темно, как и наступающая ранняя ночь.

– Темное дело... темное дело... – бормотал он.

Дом был опечатан. Собаки уже не было на цепи. Великий сыщик принялся за детальный осмотр двора.

Он тщательно осмотрел выгребную яму, собачью будку.

– Смотри, доктор, – обратился он ко мне. – Кто бы мог подумать, что евреи кормят собак костями от свиного окорока!

Он держал, улыбаясь, большую обглоданную кость. Потом, подняв глаза вверх, посмотрел на забор.

– Однако здоровый забор! Чуть не полторы сажени вышины. И с гвоздями наверху. Да, через такой не перескочишь!..

Медленно, шаг за шагом он стал обходить его, пробуя каждую тесину.

– Крепко... крепко... – шептал он.

Вдруг его рука, которой он с силой надавливал забор, провалилась, и он слегка покачнулся, подавшись вперед.

– Что с тобой? – бросился я к нему.

– Ничего особенного. Одна доска в заборе оказалась оторванной. Смотри.

Путилин нажал доску рукой, и она совершенно свободно выдвинулась вперед, держась на верхних гвоздях.

– А ну-ка, не пролезу ли я в сие отверстие? – усмехнулся Путилин. – Попробуй и ты.

Хотя и с трудом, но мы оба протиснулись и вскоре очутились по ту сторону забора.

Перед нами было пустое место – не то поле, не то огород.

Липкая, густая грязь – почва была, очевидно, глинистая – покрывала все это унылое, мрачное место.

Мой друг низко склонился над землей, словно стараясь что-то заметить, отыскать.

– Так... так...

– Ты что-нибудь нашел, Иван Дмитриевич? – тихо спросил я его.

– Кое-что... Иди за мной.

Мы прошли несколько десятков саженей. Вдруг он остановился и показал мне рукой на небольшой домик в два окна.

– Скажи, пожалуйста, – домик! Я думал, на этом пустыре нет никакого жилья... Темные окна. Интересно знать, обитаем он или нет...

Великий сыщик еще ниже склонился над землей, внимательно во что-то вглядываясь.

– Стой там, где стоишь! – бросил он мне и потонул во мраке темной ночи.

Два раза мне мелькнул свет его фонаря. Прошло минут пять-десять. Тревожно-госкливое чувство овладело мною. Незнакомый город. Это мрачное место... Это загадочно-отвратительное убийство несчастного ребенка.

– Ну, вот и я! – раздался голос Путилина. – Таинственный домик сейчас пуст, но обитаем. Мне приходит странная фантазия, доктор, проникнуть во внутренность этого жилища. Что ты на это скажешь?

– Как? В чужой дом?

– Именно.

– Но для чего?

– А это другой вопрос, на который я тебе не сумею определенно ответить, ибо... ибо еще только зондирую почву.

– Но подумай, ведь тебя могут счесть за разбойника?

– Очень может быть. Но я ведь ничего не украду у них. Однако довольно шутить. Дело в следующем. Мы должны составить маленькую диспозицию. Слушай: сейчас же поезжай с моей карточкой к моему почтенному коллеге и скажи, что я прошу его отрядить с тобой двух его агентов для того, чтобы они продежурили часть ночи во дворе губермановского дома.

На его вопрос, где я, ты ответь полным незнанием. Вы втроем будете стоять близ забора. О проходе – ни звука им. Лишь только ты услышишь мой сигнальный свисток, немедленно веди их через отверстие и бросайтесь к этому домику. До свидания, доктор!

– А если свистка не будет?

– Тогда терпеливо ожидайте моего появления.

– Ах, Иван Дмитриевич, не сносить тебе твоей буйной головушки! – в тревоге за моего великого друга вырвалось у меня.

– Ну уж, во всяком случае, не в Минске мне ее сложить! – тихо рассмеялся он.

Прежде чем рассказать вам о том, как я принимал с двумя агентами участие в этой памятной мне страшной ночи, я приведу вам рассказ моего гениального друга с его слов.

Желтые тувельки. Ритуальная чаша. С глазу на глаз в подвале

– Я, – рассказывал Путилин, – внимательно обошел крохотный домик, стараясь изыскать способ, как бы лучше, незаметнее в него проникнуть. Непреодолимая сила влекла меня туда. Какой-то таинственный голос властно мне шептал: «Иди туда, иди туда!»

Дверь была закрыта на засов, на нем болтался большой висячий замок.

Со мной не было инструментов, которыми я мог бы открыть дверь. Мне не оставалось ничего более, как влезть в таинственный домик через окно. Я так и поступил. Я тихо разбил окно и через секунду очутился в темной комнате. При свете моего фонаря я огляделся. Большая, грязная комната, в которой, кроме стола, трех стульев и постели, не было ровно ничего. Рядом с этой комнатой находилась другая, поменьше, совершенно пустая.

Быстрым взглядом окинув все это, я поспешно спустил над разбитым окном жалкое подобие занавески – кусок выцветшего ситца. Я вновь с удвоенной энергией принялся осматривать две жалкие конуры. Ничего, абсолютно ничего подозрительного. А между тем... между тем ведь *мужские следы совершенно ясно были замечены мною от выпертой нарочным путем доски губермановского дома вплоть до дверей этого домика*. Кому было надо совершать путешествие этим пустырем? И почему обитатель таинственного жилища проник столь необычайным образом во двор еврея-ростовщика?

Размышляя, выводя мою кривую, я вдруг запнулся ногой о какой-то неровный, скользкий предмет.

Мне мой фонарь осветил его. Это было железное кольцо подпольного люка. Сердце радостно забило у меня в груди. Победа, победа! Авось там – хоть йота улик.

Я рванул за кольцо и приподнял люк. Лесенка маленькая, узенькая. Не раздумывая ни секунды, я стал спускаться в подполье. Одна, две, три, четыре ступени... Я – на земляном полу!

Но лишь только я осветил фонарем пространство подполья, как крик ужаса вырвался у меня. Моя нога стояла в большом жестяном тазу-чаше, полном крови. Я выхватил ногу.

С нее сбегала капля за каплей кровь... Дрожь пронизала меня всего. Я низко склонился над страшной чашей, и тут мне бросились в глаза маленькие желтые тувельки, белое платице, синяя жакетка, шляпка. У меня, старого, опытного волка, видевшего всяческие виды и ужасы, горло перехватил спазм. Я не мог отвести взгляда от этих вещей. Передо мной с какой-то поразительной наглядностью встал образ бедной белокурой девочки с ее страшными проколами. Еще минута, и я разрыдался бы. Я – Путилин, не знавший, что такое нервы, слабость воли!

Страшным усилием я взял себя в руки и стал искать еще чего-нибудь «интересного» для храма богини Фемиды. Рядом с чашей на дощечке лежал блестящий предмет. Я взял его, и он задрожал в моих руках. Это было длинное, круглое, прямое шило, все темное от запекшейся крови.

И тут меня пронизала мысль: «Так какое же это убийство? Ритуальное, действительно ритуальное или же подделка под него?»

Но сейчас же я осудил нелепость этой мысли. Легенда о ритуальных убийствах гласит, что выпускаемая кровь *употребляется евреями*. А тут... тут целая чаша ее. Стало быть, я был прав, прав!..

Огромная радость охватила меня. Я спасу бедного еврея, над которым тяготеет это страшное обвинение!

– Дзинь... тр-р... тр-р... – донеслось до меня. Я услышал, что дверь проклятого домика уже раскрывается. Быстрее молнии я бросился по лестнице и закрыл над собой дверцу люка.

Она была от ветхости вся в дырах. Потушив фонарь, я приложился ухом к ней.

– А-а, дьяволы, хорошую я вам заварил кашу! – донесся до меня резкий мужской голос. – Будете помнить меня вовеки. Не сегодня, так завтра я вам устрою горячую, кровавую баню! Ха-ха-ха! Белый пух будет летать над городом, а мы будем вас крошить, резать... Резать, дьяволы, будем вас!..

Никто ему не отвечал. Он, значит, был один – обитатель страшного домика.

– Ха-ха-ха!.. – вдруг опять послышался исступленно-безумный хохот. – Сидишь в остроге, проклятый? Что? Небось весь твой кагал не спас тебя? О-го-го-го! Ловко я тебе отомстил! Будешь помнить, как разорять людей... Всего меня разорил... По миру пустил меня, благородного...

Я услышал приближающиеся шаги негодяя-изверга к подполью. Только тут я понял, какой я сделал промах, оставшись так долго в страшном подполье. Что мне с ним сделать, если он спустится сюда? Убить его? О, для меня это было крайне нежелательно... Мертвое тело не расскажет ничего о содеянном им преступлении, и тайна убийства девочки останется тайной. Кто сможет доказать, что Губерман сам не совершил здесь, в этом подполье, ритуального убийства христианской девочки? Один я, но этого мало.

То, чего я так страшился, сбылось. Изверг подошел к подполью и поднял люк. Я прижался в угол, затаив дыхание.

– Страшно... страшно... кровь... целый таз. – В голосе его я уловил нотки неподдельного ужаса. Кровь убиенной замученной девочки вопила об отмщении. Эта кровь, очевидно, душила его, заливала ему глаза багряным светом.

– Надо... надо покончить... сжечь... засыпать... закопать... Страшно мне, страшно.

Чиркая дрожащей рукой спичку, он стал медленно, осторожно спускаться в подполье.

– Я помогу вам, здесь темно! – загремел я, чувствуя, что больше мне ничего не остается сделать, ибо скрыться здесь некуда.

Крик, полный безумного ужаса, вырвался из груди страшного злодея.

Я направил на его лицо фонарь, хотел выхватить револьвер... но его не оказалось. Первый раз в моей жизни я очутился без моего верного друга, столько раз спасавшего мою жизнь!

– Сдавайтесь, любезный, вы пойманы! – не теряя хладнокровия, продолжал греметь я.

– А будь ты хоть сам Сатана, я не отдамся тебе добровольно! – исступленно заревел он, бросаясь на меня.

Между нами началась отчаянная борьба. Спичка, брошенная им, упала на белое платье... Рядом лежала грудa сухого сена и соломы.

Послышался сухой треск, забегали языки пламени. «Все погибло!» – мелькнула у меня мысль. Я напрягал все усилия, чтобы не поддаться злодею, но, увы, чувствовал, что он неиз-

меримо сильнее меня. Он сдавливал мою грудь железными тисками, но, на мое счастье, моя правая рука была свободна.

Я нажал кнопку фонаря и ударил им по лицу его. Удар пришелся по глазам. Он завыл от боли и на секунду выпустил меня из своих ужасных объятий. Я бросился к лесенке, пробиваясь сквозь пламя. Я чувствовал, что горю. Дыхание спирало от дыма, языки пламени охватили мое верхнее платье. Лишь только я выскочил из страшного подземелья, как он, тоже успевший оправиться от удара, набросился на меня сзади. Я потащил его к выходной двери, но... но в эту минуту пришла помощь.

Два горящих факела

Боясь за участь моего дорогого друга, я немедленно полетел к минскому Лекоку.

– Скорее! Скорее! Двух агентов!

– Что такое? Что такое? – привскочил он. – Где наш гений Путилин?

В двух словах я передал ему приказ моего талантливого друга.

– Во дворе Губермана будем его ожидать... Он так приказал.

– Черт возьми, я еду в таком случае сам! – засуетился толстяк.

И вот через полчаса мы уже находились на дворе дома ростовщика.

Время тянулось до темноты медленно. Я все с замиранием сердца ожидал условного сигнала-свистка, но его не было.

Губернский лев сыска относился не без иронии к «сему ночному походу».

– Гм... не понимаю... ровно ничего не понимаю, – насмешливо бросал он своему помощнику. – Но, конечно, раз сам Иван Дмитриевич Путилин этого требует...

– Что это, дым? – вдруг воскликнул помощник.

Я поднял глаза.

Клубы черного дыма неслись с пустыря. Одним ударом ноги я вышиб замеченную доску в заборе и крикнул:

– За мной, господа! Там – несчастье! – Я пролез первым, за мной – помощник Лекока, а сам он... застрял в узком пространстве забора.

– Черт возьми, я застрял! Протисните меня! Ой-ой-ой! Я задыхаюсь!.. Что за чертова западня...

Но нам, мне и помощнику – славному малому, некогда было высвободить злополучного победителя ритуального дела.

То, что мы увидели, заставило заледенеть кровь в наших жилах.

На фоне темной ночи мы увидели два ярко горящих живых факела. Над домиком клубился дым. Несколько секунд – и мы были около них.

– Держите этого! – гремел Путилин, указывая на обезумевшего от боли и страха человека. – Доктор! Скорее! Помогите мне! Я горю... Направляйте на него револьвер!

Я сорвал с него пальто.

– Туда... туда! Будем тушить!

Минский Лекок, очевидно, благополучно высвободился.

Под револьверным дулом его помощника убийца замер, затих.

– Сюда, коллега, сюда! Скорее! – пригласил великий сыщик толстяка.

В домишке, куда они вбежали, из подполья неслись дым.

– Несмотря на это, я вам достану кое-что! – резко бросил он раннему триумфатору.

– Вы... вы с ума... Ваше превосходительство, остановитесь: там вы задохнетесь... Там горит!.. – в испуге закричал «победитель».

Путилин быстро спустился в подполье.

В ту секунду, когда он в дыму и в искрах быстро выскочил оттуда, мы вошли в страшный дом. Посередине нас, под дулами двух револьверов, шел преступник.

В руках гениального сыщика находились таз-чаша с кровью и желтые туфельки.

– Вот вам результаты моих гастролей, вот вам – ритуальное убийство! Арестуйте этого человека – убийцу Евгении Сеньюшкиной.

– Проклятый! Как ты узнал меня?

– Я? Тебя? Так ведь я – Путилин, а ты – черная шинель с фетровой шляпой.

Минский Лекок хлопал глазами.

Наутро Губерман был освобожден.

Радость его и всех евреев не только Минска, но и всего юго-западного края была безгранична.

Имя Путилина, этого гения русского сыска, сумевшего снять покров с тайны якобы ритуальных убийств, прогремело и покрылось неувядающей славой.

Путилина засыпали цветами, когда он выезжал из Минска.

Евреи хотели выпрячь из коляски лошадей и везти его на себе, но этому воспротивился этот редчайший по таланту и скромности человек.

Убийцей оказался Яков Ридин, мещанин, запутавшийся в тройной бухгалтерии Губермана. Желая ему отомстить, он придумал дьявольски зверский способ: украл у бедной вдовы девочку и, убив ее по легенде ритуальных убийств, то есть варварским способом выпустив из нее всю кровь, труп ее ночью подбросил в выгребную яму своего заклятого врага.

Одиннадцать трупов без головы (Атаманша Груня-«головорезка»)

Страшная посылка

– Это было, – начал доктор, – в 187... году, вскоре после назначения моего друга начальником сыскной полиции. Надо вам сказать, что два последние года перед этим были особенно чреватые зверскими кровавыми происшествиями. Путилин просто с ног сбился. Иногда ночью он посылал за мной.

– Друг мой, мне нужна твоя помощь. Определи, сколько времени, по-твоему, мог жить этот убитый после полученной им раны. Мне это необходимо знать.

Так как Путилин никогда не спрашивал ничего зря, я всегда старался дать ему как можно более точный ответ.

Был февраль. В воздухе уже пахло весной.

Я сидел у Путилина в его служебном кабинете, и мы вели с ним задушевную беседу.

Вдруг в дверь нервно постучали.

– Войдите! – крикнул Путилин. На пороге кабинета стоял старший дежурный агент, взволнованный, бледный.

– Ваше превосходительство, страшные преступления! – заикаясь проговорил он.

– В чем дело? – озабоченно спросил Путилин.

– Сию минуту нам сообщено, что в трех различных районах города найдены три трупа.

– Что же в этом особенно страшного, голубчик? – слегка усмехнулся Путилин.

– Вы не дослушали меня, ваше превосходительство. Дело в том, что все три трупа без головы.

– Как без головы? – привскочил Путилин.

– Так-с. Головы у всех отрезаны. Судя по свежести крови, головы отрезаны совсем недавно и, очевидно, не от трупов, а от живых людей.

Путилина передернуло. Каюсь, и я почувствовал себя нехорошо.

– Вот что, голубчик, сию секунду дайте знать прокурору, судебному следователю и врачу. Я еду сейчас туда. Ты поедешь со мной, Иван Николаевич?

– Что за вопрос? Разумеется... – ответил я.

– Где трупы? – отрывисто спросил Путилин.

– Один – за Нарвской заставой, другой – близ деревни Волково, третий – близ Новодевичьего монастыря.

– Все – окраины... – вырвалось у Путилина.

Только что мы собирались выйти из кабинета, как в дверь послышался новый стук.

– Ну, что еще там? Кто там? Входите!..

Два сторожа бережно внесли объемный ящик, завернутый в черную клеенку.

– Это что? – удивленно спросил Путилин.

– Посылка на ваше имя, ваше превосходительство! – гаркнули сторожа.

– Кто принес?

– Час тому назад доставлена посылным. Велено доставить в ваши собственные руки.

Путилин сделал досадливый жест рукой.

– Нельзя терять времени... А между тем...

И Иван Дмитриевич выразительно посмотрел на меня.

– Надо вскрыть посылку, – ответил я ему.

– Живо! Живо! Вскрывайте! – отдал он приказание сторожам.

Ловкими привычными руками те распутали бечевки и разрезали черную клеенку. Под ней – грубо отесанный белый деревянный ящик.

Мы все близко подвинулись к нему. Путилин был впереди.

– Подымай крышку! – нетерпеливо бросил он сторожам.

– Ишь ты... как крепко гвоздями приколочена, – ответили сторожа, стараясь ножами поднять крышку таинственного ящика.

Наконец доски отскочили с треском и характерным сухим лязгом сломанных гвоздей.

– С нами крестная сила! – раздался дико испуганный крик отпрянувших от ящика сторожей. – Головы! Головы!!

Путилина тоже словно отшвырнуло назад.

Старший дежурный агент замер на месте. Лицо его было блее полотна.

В ящике на смоченном кровью грубом холсте лежали рядом, одна к другой, три отрезанные головы.

На что уж я, как доктор, привык к всевозможным кровавым ужасам, а тут, поверите ли, при виде этих страшных мертвых мужских голов задрожал, как какая-нибудь нервная барынька.

– Ваше... ваше превосходительство... – первый нарушил столбняк, охвативший всех, здоровенный детина-сторож. – Тут бумага какая-то лежит!

И, бережно сняв с одной из голов лист в четвертинку плохонькой бумаги, смоченный по краям кровью, он протянул ее Путилину.

С дрожью в руках взял это страшное послание Путилин.

– Вы... вы ступайте пока! – отдал он приказ сторожам.

Те, словно радуясь, что могут избежать дальнейшего лицезрения страшных голов, быстро покинули кабинет.

Путилин начал громко читать:

«Посылаем тебе, твое превосходительство, в дар гостинец – три головы. Жалуем тебя этой наградой за твое усердие, с коим ты раскрыл, накрыл и предал шайку "Стеньки Разина". Исполать тебе, мудрый сыщик! А еще скажем, что таких голов получишь ты еще восемь, всего будет одиннадцать. А двенадцатую голову получить тебе уж не придется, потому голова эта будет твоя собственная. Бьет челом тебе А. Г. Г.»

– Недурно! – вырвалось у Путилина.

– Ловко! – вырвалось у меня.

Я быстро подошел к ящику и, схватив одну голову, низко нагнулся, пристально вглядываясь в нее.

– Что ты делаешь? – испуганно спросил меня сыщик.

Я усмехнулся.

– Разве тебе, Иван Дмитриевич, не известно, что порой в зрачках убитого запечатлевается образ убийцы? Зрачки глаз убиваемого воспринимают, как негатив, черты лица убийцы.

Увы! Как я ни бился, я ничего не мог узреть в мертвых, остекленевших глазах. В них застыли только ужас и невыразимое физическое страдание.

– Ну? – с надеждой в голосе спросил меня мой друг.

– Ничего!

– В таком случае едем, не теряя времени... Я принимаю вызов этой страшной банды. Клянусь, что я или первый из восьми сложу свою голову, или раскрою этих чудовищ!..

Одиннадцатая голова. В мертвецкой. «Хрустальный дворец»

Петербург был объят паникой.

Весть о том, что появилась какая-то страшная шайка злодеев, обезглавливающих обывателей, моментально облетела приневскую столицу.

Стоустая молва преувеличивала, как это всегда бывает, число жертв, и петербуржцы в ужасе кричали:

– Не выходите из домов! Сидите дома! По ночам бродят ужасные люди-звери! Они нуждаются в теплой человеческой крови. Отрезав голову, они выбирают из тела всю кровь для каких-то особенных целей.

Высшим начальством моему другу Путилину было вежливо, но категорически поставлено на вид, что он обязан как можно скорее раскрыть эти неслыханные злодеяния. «Вы, Путилин, большой талант. Окажитесь на высоте вашего призвания и на этот раз. Население страшно взволновано. Необходимо успокоить общественное мнение».

– Я сделаю все, что в моих силах... – скромно, но твердо ответил Путилин.

Осмотр трупов и местностей, где они были найдены, не дал никаких положительных и интересных результатов.

Районы эти были глухими, кишачими отбросами столичного населения, а трупы – совершенно голые. Моргов тогда у нас не существовало, как не существует и до сих пор. Оpoznать личности убитых, таким образом, являлось делом далеко не легким.

На ноги было поставлено все: внезапные осмотры всех подозрительных притонов, ночлежек, целая рать опытных сыщиков-агентов дневала и ночевала в разных местах.

Прошло восемь дней. А знаете ли вы, господа, что это были за дни?

Каждый день неукоснительно в сыскное отделение доставлялось по одной свежотрезанной мертвой голове. Как, каким таинственно-чудесным образом ухитрялись страшные злодеи посылать Путилину «в дар гостинец» эти зловещие подарки, до сих пор осталось нераскрытой тайной.

Теперь Петербург уже не волновался, а прямо замер от ужаса. «Последние времена настали! Ближе пришествие Антихриста! Скоро будет светопреставление!»

Я никогда не видал моего друга Путилина в таком состоянии духа, как в эти проклятые дни! Он не говорил ни слова, а по своей привычке все что-то чертил ногтем указательного пальца на бумаге.

– Ваше превосходительство, одиннадцатая голова прибыла!.. – трясась от ужаса, доложили ему.

Путилин даже бровью не повел.

– Стало быть, дело остается за двенадцатой, то есть за моей?

– Помилуйте, ваше превосходительство, что вы... храни Господь!

В течение этих страшных восьми дней, что прибывали мертвые головы, я сопутствовал великому сыщику во многих его безумно смелых похождениях, иногда с переодеваниями, разумеется.

Особенно любопытными и врезавшимися мне в память являются два: одно – посещение мертвецкой при Н-ской больнице, куда были свезены все обезглавленные трупы и все отрезанные головы, и другое – посещение страшного «Хрустального дворца», о котором я впервые получил представление.

Столичное население было широко оповещено, что все желающие могут в течение целого дня являться в покойницкую больницы для опoznания трупов.

Я приехал туда с моим гениальным другом утром. Он распорядился, чтобы у входа в мертвецкую были поставлены сторожа, которые впускали бы посетителей не более одного человека сразу.

Когда мы первый раз вошли в мертвецкую, я невольно вздрогнул, и чувство неприятного холода пронизало все мое существо.

На что уж, кажется, я по моей профессии доктора должен был бы привыкнуть к всевозможным тяжелым картинам, а главное – к трупам, однако, тут, поверите ли, пробрало и меня.

Тяжелый, отвратительный запах мертвечины, вернее, смрадное зловоние разлагающихся тел ударяло в лицо. Казалось, этот страшный запах залезает всюду: и в рот, и в нос, и в уши, и в глаза.

– Бр-р! – с отвращением вырвалось у великого сыщика. – Не особенно приятное помещение. И если принять еще во внимание, что нам придется пробыть здесь несколько часов, а то и весь день.

– Как?! – в ужасе воскликнул я. – Здесь? В этом аду? Но для чего? Что мы будем тут делать?

– Смотреть... наблюдать, – невозмутимо ответил он. – Видишь ли, несколько раз в моей практике приходилось убеждаться, что какая-то таинственная, непреодолимая сила влечет убийц поглядеть на свои жертвы. Вспомни хотя бы страшного горбуна, Квазимодо церкви Спаса на Сенной.

– Но где же мы будем наблюдать? Откуда?

– Для этого мы должны спрятаться, доктор, вот и все.

– Но куда же здесь спрятаться?

– А вот из этих гробов мы устроим великолепное прикрытие, откуда нам будет все видно и слышно.

Я закурил сигару и стал отчаянно ею дымить. Путилин не отнимал от лица платка, надушенного сильными духами. Но разве все это могло заглушить до ужаса резкий трупный запах?

Пока мой друг сооружал нечто вроде высокой баррикады из гробов, я с содроганием глядел на покатые столы мертвецкой.

Какое страшное зрелище, какая душу леденящая картина!

Рядом, близко друг к другу, лежало восемь голых трупов без голов. Все это были сильные, здоровые тела мужчин, но страшно обезображенные предсмертными судорогами. Так, у одного трупа были скорчены руки и ноги чуть не в дугу, у другого – пятки были прижаты почти к спине.

Рядом же лежали восемь отрезанных голов.

Эти головы были еще ужаснее трупов! Волосы шевелились на голове...

Точно головы безумного царя Ииуйи, в которые он играл, как в бирюльки.

У большинства глаза были закрыты, но у некоторых открыты, и в них застыло выражение смертельного ужаса и смертельных мук.

Тусклый, хмурый свет из высокого оконца покойницкой падал на эту страшную груды мертвых тел.

– Ну, доктор, пора! Пожалуйте сюда! – пригласил меня великий сыщик.

Поверите ли, я был рад спрятаться даже за такое мрачное «прикрытие», лишь бы только не видеть этого зрелища.

По условному знаку в мертвецкую стали по одному впускать посетителей. Кого тут только не было, в этой пестрой, непрерывно тянущейся ленте публики! Это был живой, крайне разнообразный калейдоскоп столичных типов. Начиная от нищенки и кончая расфранченными барыньками, любительницами, очевидно, сильных ощущений; начиная от последних простолюдинов и кончая денди в блестящих цилиндрах.

Они входили и почти все без исключения в ужасе отшатывались назад, особенно в первый момент.

– О, Господи! – в страхе шептали-шамкали ветхие старушки, творя молитвы и крестя себя дрожащей рукой.

Были и такие посетители обоего пола, которые с громким криком страха сию же секунду вылетали обратно, даже хорошенько еще ничего не разглядев.

С двумя дамами сделалось дурно: с одной – истерика, с другой – обморок. Их обеих подхватил и вывел сторож.

– И чего, дуры, лезут? – недовольно ворчал талантливейший сыщик.

Тут, кстати, не могу не упомянуть об одном водевильном, курьезном эпизоде, столь мало подходящем к этому страшному и мрачному месту.

В мертвецкую вошел какой-то хмурый, понурый мещанин. Он истово перекрестился и только собрался начать лицезрение этой «веселенькой» картины, как вдруг я, наступив на край гробовой крышки, потерял равновесие и грянулся вместе с ней на пол.

Крик ужаса огласил покойницкую.

Мещанин с перекошенным от ужаса лицом вылетел, как пуля, крича не своим голосом:

– Спасите! Спасите! Покойники летят, покойники!

Я быстро, еле удерживаясь от хохота, вскочил и пристроился, как и прежде.

– Это черт знает что такое, доктор! – начал мой друг шепотом строго распекать меня, хотя я отлично видел, что губы его трясутся от сдерживаемого смеха. – Ты, батенька, не Бобчинский, который в «Ревизоре» влетает в комнату вместе с дверью. Эдак ты мне все дело можешь испортить...

Продолжать шепот было невозможно, так как в это царство ужаса вошла новая посетительница.

Меня несколько удивило то обстоятельство, что, войдя, она не перекрестилась, как делали это все, а без тени страха и какого-либо смущения решительно подошла к трупам и головам.

Она стояла к нам вполоборота, так что мне был виден профиль ее лица.

Этот профиль был поразительно красив, как красива была и вся ее роскошная фигура с высокой грудью. Среднего роста, одета она была в щегольской драповый полудипломат, в белом шелковом платке на голове.

Она несколько секунд простояла молча, не сводя взора с трупов и голов, потом вдруг быстрым движением схватила одну из голов и приставила к обезглавленному туловищу.

Затем через несколько секунд она так же быстро сдернула мертвую голову и, положив ее на прежнее место, пошла к выходу.

Лишь только успела она перешагнуть порог, как Путилин быстрее молнии выскочил из своей мрачной засады, бросился к двери и закрыл ее на задвижку.

– Скорее, доктор, помоги мне расставить гробы на их прежнее место.

Я стал помогать ему.

– Ну, а теперь быстро в путь!

Он высоко поднял воротник шубы, так что лицо его не стало видно, и, отдернув задвижку, вышел из покойницкой.

– А как же ты врешь, что поодиночке пускают? – напустилась на сторожа вереница посетителей. – А их вон там трое было.

Путилин быстро шел больничным двором, направляясь к воротам. Я еле поспевал за ним.

Впереди мелькал белый платок.

– Чуть-чуть потише, – шепнул мне великий сыщик.

Когда платок скрылся в воротах, мы опять прибавили шагу и вскоре вышли на тротуар Третьего проспекта.

Тут на углу больничного здания, на тротуаре, стояла женщина в белом платке рядом с высоким, дюжим парнем в кожаной куртке и высокой барашковой шапке. Они о чем-то оживленно и тихо говорили.

Когда мы поравнялись с ними, женщина пристально и долго поглядела на нас.

Потом, быстро подозвав ехавшего извозчика, они уселись в сани и скоро скрылись из наших глаз.

– Ну, и мы отправимся восвояси! – спокойно проговорил Путилин.

В тот же день, под вечер, он приехал ко мне переодетый и загримированный под самого отпетого золоторотца.

Обрядив и меня в ужасные отребья, он протянул серебряный портсигар.

– Эту вещь ты будешь продавать в «Хрустальном дворце», если понадобится.

– Где? – удивился я.

– Увидишь... – лаконично бросил он.

И вскоре действительно я увидел этот «великолепный» дворец.

В одном из флигелей большого дома в Тарасовом переулке, рядом с «Ершами», внизу в подвальном этаже висела крохотная грязная вывеска – «Закусочная».

Когда мы подошли к обледелым ступеням, ведущим в это логовище, нам преградил дорогу какой-то негодяй с лицом настоящего каторжника.

– А как Богу молитесь? – сиплым голосом прорычал он, подозрительно впиваясь в нас щелками своих узких, заплывших от пьянства глаз.

– По Ермилу-ножичку, по Фомушке-Фоме да по отвертке-куме! – быстро ответил бесстрашный сыщик.

– А-а... – довольным тоном прорычал негодяй. – Много добыли?

– Кисет с табаком да кошель с пятакон.

Путилин быстро спустился в подвал, я за ним. Когда мы вошли вовнутрь этого диковинного логовища, я невольно попятился назад: таким отвратительным зловонием ударило в лицо.

Несмотря на то что тут было очень много народа, холод стоял страшный. Ледяные сосульки висели на грязных окнах, снег искрился в углах этого воровского подвала. Только бесконечно меткий и злой юмор воров и мошенников мог придумать для этой страшной дыры такое название – «Хрустальный дворец»!

В первой конуре виднелось нечто вроде стойки с какой-то омерзительной снедью.

Во второй «комнате», очень большой, занимающей все пространство подвального помещения, шла целая эпическая комедия из жизни преступного Петербурга. Столов и стульев практически не было. Посередине стояла высокая бочка, опрокинутая вверх дном. Около нее стоял седой старик в продранной лисьей шубе с типичным лицом скопца. Вокруг него полукругом теснилась толпа столичной сволочи, то и дело разражаясь громовым пьяным хохотом.

– Кто еще найдет, что продать? Принимаю все, кроме девичьего целомудрия, как вещи, ровно ничего не стоящей... для меня, по крайней мере, почтенные дамы и кавалеры! – высоким, пискляво-бабыим голосом выкрикивал скопец-скупщик краденного.

– Ха-ха-ха! Ах, шут тебя дери! – заливалась сиплыми голосами воровская братия «Хрустального дворца».

– А штаны примешь? – спросил кто-то.

– А в чем же к столбу пойдешь, миленький, когда кнутом стегать тебя будут? Что же тогда ты спустишь?..

Новый взрыв хохота прокатился по подвалу.

Но были и такие, которые с хмурым лицом подходили и бросали на дно бочки серебряные, золотые и иные ценные вещи.

Высохшая рука страшного скопца быстро, цепко, с какой-то особой жадностью хватала вещь.

– Две канарейки, миленький...
– Обалдел, знать, старый мерин? – злобно сверкал глазами продающий. – За такую вещь – и две канарейки?

– Как хочешь, – апатично отвечал скопец.

Я не спускал глаз с лица моего друга. Я видел, что он словно кого-то высматривает.

Вдруг еле заметная усмешка тронула концы его губ.

Я проследил за его взором и увидел высокого парня в кожаной куртке и барашковой шапке.

«Где я видел этого молодчика? Что-то знакомое...» – мелькает у меня в голове.

– А вы чего же стоите, миленькие? – вдруг повернулся к нам отвратительный старик-скопец. – Имеете что обменять на фальшивые государственные деньги, ибо настоящие-то фабрикуете только вы?

На нас сразу обратили внимание.

Не скажу, чтобы я почувствовал себя особенно приятно. Я знал, что, если заметят наш грим, нам несдобровать или в лучшем случае придется выдержать жаркую схватку.

– Ну, ты, сударь-батюшка, Христос из Кипарисового сада, нас не учи, какие у нас деньги. У нас-то деньги кровью достаются, не то что у тебя, обкорналого жеребца!

Глазки скопца засверкали бешенством, но зато эта фраза имела решительный успех среди «отверженных».

– Ловко его! Молодчага! Так его, старого пса!..

Путилин швырнул на дно бочки серебряные часы.

– Не возьму! – резко взвизгнул скопец.

– А... а ежели в таком случае сумочку твою да на шарапа я пущу? Ась?

– О-го-го-го! – захохотал подвал «Хрустального дворца».

Трясущимися от злобы руками старик схватил часы и швырнул Путилину пять рублей.

Это была огромная цифра, попросту говоря – взятка. Старый негодяй испугался угрозы переодетого сыщика и хотел его задобрить.

Когда мы выходили из страшного подвала, около дверей стоял парень в кожаной куртке. Он о чем-то тихо шептался с чернобородым золоторотцем.

– Так, стало, сегодня придешь туда?

– Приду...

– Упомни: «Расста...»

В эту секунду он заметил нас и сразу смолк. На девятый день, после довольно обширной прогулки, навестив чуть не двенадцать больных, я, усталый, сидел перед горящим камином. Мысль о моем друге Путилине неотступно преследовала меня. Я думал об этом таинственном отрезании одиннадцати голов. Все трупы вместе с полицейским врачом исследовал и я. Меня поразила одна особенность: все одиннадцать людей были обезглавлены одним способом: сначала нож втыкался острием в сонную артерию, а затем сильным и ловким движением производился дьявольский «кружный пояс», благодаря которому голова отделялась от туловища.

Утомленный этими страшными бессонными ночами и дневной практикой, я, согретый огоньком камина, задремал. Это был не сон, а так, какое-то кошмарное забытье. Рисовались голые трупы, кровь, отрезанные головы.

Громкий звонок вывел меня из состояния этого полубреда, полукошмара. Я вздрогнул и вскочил с кресла. Передо мной стоял мой лакей.

– Что такое?

– Так что, барин, какая-то компания подъехала на тройке. Важный, но хмельной купчик молодой желает вас видеть, – доложил он мне.

– Пусть войдет!

Дверь моего кабинета распахнулась. На пороге в роскошной собольей шубе, отороченной бобрами, стоял красавец – молодой купчик. Сзади него во фраке со значками вытянулись два лакея в летних пальто.

– Что вам угодно? – направился я к собольей шубе.

Лицо красавца-купчика осветилось веселой улыбкой.

– Помощь нам подать, господин доктор!

– Позвольте, господа, в чем дело? Кто из вас болен? Почему вы все трое ввалились в мой кабинет? Там есть приемная.

Какой-то леденящий ужас и страх под влиянием кошмарного забытья охватили меня.

– Не узнаешь? – подошел ко мне вплотную купчик в собольей шубе.

– Позвольте... Кто вы?.. Я вас не знаю...

– Будто бы? Неужели ты, Иван Николаевич, не знаешь, что на свете появляются материализованные духи?

Я обомлел.

– Кто такой, сударь, вы будете?

Саркастический хохот пронесся по моему кабинету.

– Я-то кто? А Ивана Дмитриевича Путилина знаешь?

– Как?! Ты?!!

– Я. Собственной своей персоной, дружище! Довольно заниматься маскарадом. Едем. Ты, конечно, не откажешься присутствовать при том, как будут снимать «двенадцатую голову», а именно голову с туловища твоего друга?

Затем, переменив шуточный тон на серьезный, он тихо мне проговорил:

– Захвати с собой хирургический набор и все вообще, что требуется для оказания первой помощи. Я боюсь, что дело будет жаркое.

Через несколько секунд мы находились уже в тройке. Розвальни были покрыты красным бархатом.

– Хорошо загримировался? – смеясь, тихо обратился ко мне Путилин.

– Чудесно! – искренно вырвалось у меня. – Но, ради бога, скажи, куда мы едем?

Наступила долгая пауза. Мой друг что-то сосредоточенно чертил пальцем по заиндевевшим крыльям саней.

– Прости, ты о чем-то меня спрашивал? – словно пробуждаясь после долгого сна, спросил он меня.

– Куда мы едем, Иван Дмитриевич?

– Ах, куда мы едем? Довольно далеко... может быть, на тот свет. Предупреждаю тебя, если ты боишься, сойди, пока есть время. Потом при неуспехе поздно будет. Ты веришь в меня?

– Верю! – вырвалось восторженно у меня.

– Так о чем же ты спрашиваешь?

– Неужели ты напал на верный след? – спросил я моего друга.

– Тс-с! И уши лошадиные имеют уши! – тихо рассмеялся Путилин.

– Но-но-о-о, ми-лы-е-е! – лихо гаркнул ямщик, привстав с облучка.

Чуть не на тот свет

Чем дальше, тем местность, которой мы ехали, становилась все глуше и глуше. Огромный гранитный город остался далеко позади нас. Потянулись какие-то пустыри, огороды. Изредка мелькали огоньки маленьких домиков.

– Это агенты? – указал я глазами на двух официантов во фраках.

– Конечно, – тихо рассмеялся Путилин. – Теперь слушай меня внимательно. Мы едем в кабачок-трактир «Расставанье». Я богатый загулявший купчик. Эти агенты – лакеи ресторана

Бореля, сопровождающие меня как важного клиента их дома. Я не уплатил по крупному счету. Я кучу. У меня десятки тысяч в кармане. Лакеи это знают и хотят пожить. Ты – шулер.

– Благодарю покорно! – расхохотался я.

– Тс-с! Ты в этом грязном притоне будешь предлагать мне играть. Вынешь карты. Я выну деньги. А потом... а потом ты увидишь, что из этого выйдет. На, держи колоду карт.

– Но ведь это безумно смелая игра! – вырвалось у меня.

– Другого исхода нет. Ты знаешь меня: я никогда не отступаю ни перед какой опасностью. Я или выиграю, или проиграю это дело!

На углу двух дорог, с начала одной из которых виднелся пролесок, стоял двухэтажный деревянный домик, ярко освещенный.

– Ну-ну-у, милые, тпр-ру! – дико взвизгнул, ухнул и гаркнул ямщик.

Сани тихо подкатили к трактиру, над подъездом которого вывеска гласила: Трактир «Расставанье».

Громкий звон бубенчиков и лихой окрик ямщика, очевидно, были услышаны в мрачном притоне, о котором давно уже ходила недобрая слава.

Дверь отворилась, из нее вырвались клубы белого пара.

Я быстро взглянул на Путилина и не узнал его. Моментально все лицо его преобразилось. Пьяная, глупая улыбка расплылась по лицу, и он сильно качнулся всем телом в мою сторону.

– Ваше сиятельство, купец хороший, приехали! – отстегивая полость троечных саней, громко возгласил ямщик.

В ту же минуту «лакеи» бросились высаживать «его сиятельство».

– Кто такой будет? – подозрительно поглядывая узкими щелчками глаз, прохрипел высокий рыжий трактирщик, типичный целовальник былых времен.

– Ха-а-ароший гость! – чмокнул языком ямщик. Один из «официантов» юрко подлетел к рыжему трактирщику.

– От «Бореля» мы. Они-с – первеющий миллионер. Захмелели малость... ну, и того, по счету *забыли* уплатить. Мы решили их прокатить, авось очухаются, денежки с лихвой нам заплатят. А только скажите, хозяин, у вас насчет карманного баловства не практикуется? Потому – деньги ба-а-а-льшие при нем имеются... В случае чего нам в ответе придется быть.

– Не бойсь, не съедим, – усмехнулся рыжий трактирщик, – и тебе еще с лихвой останется...

– Хи-хи-хи!.. Сразу видать образованного человека! – восторженно хихикнул «лакей» от «Бореля».

– А это кто с ним рядышком сидит? – ткнул перстом по моему направлению негодяй.

– А так, примерно сказать, лизоблюд. Около их увивается. А коли говорить откровенно – так шулер. Он, шут его дери, ловко из семерки туза делает!

Путилин тихо мне шепнул:

– Да выводите же меня из саней...

– Мон bon! Ардальюша! Да очнись же! – громко начал я, расталкивая Путилина.

– А? Что?.. – глупо хлопал он глазами.

– Помогите ему! – важно процедил содержатель «Расставанья», подталкивая лакея. Но другой «лакей» уже спешил мне на помощь.

– Пшли прочь! – нагло заявил он мне. – Обобрали купца хорошего на сорок тысяч, а теперь сладко поете: «Ардальюша, Ардальюша!» Без вас высадим!..

Путилина поволокли из саней. Он, качнувшись несколько раз, вдруг обратился к рыжему трактирщику:

– А... а шампанское есть у тебя, дурак?

– Так точно-с, ваше сиятельство, имеется для именитых гостей, – поспешно ответил негодяй.

До сих пор, господа, я не могу забыть той страшной усмешки, которая искривила лицо этого рыжего негодяя. Клянусь, это была улыбка самого дьявола! «Что будет? Что будет? Ведь мы идем на верную смерть!» – пронеслось у меня в голове.

В волчьей яме. «Двенадцатая» голова. На волосок от смерти

В первую минуту, когда мы вошли в ужасный трактир, ровно ничего нельзя было увидеть. Клубы удушливого табачного дыма и точно банного пара колыхались в отвратительном воздухе, наполненном ужасным запахом водочного и пивного перегара и острым испарением – потом массы грязных человеческих существ.

Уверяю вас, господа, это был один из кругов ада! Какое-то дикое звериное рычание, дикий хохот, от которого, казалось, лопнут барабанные перепонки, визг бабьих голосов, самая циничная площадная ругань – все эти звуки, соединяясь в одно целое, давали поистине адский концерт.

– Сюда, пожалуйста, сюда, ваше сиятельство! – предупредительно позвал нас рыжий негодяй к угольному большому столу.

Мало-помалу глаза свыклились с туманом, колыхающимся в этом вертепе.

Огромная комната... Столы, крытые красными скатертями... Лавки... табуреты... Посередине – длинная стойка-буфет, заставленная штофами водки, чайниками, пивными бутылками. Почти все столы были заняты.

За ними сидели пьяные, страшные негодяи, вся накипь, вся сволочь, все подонки столичного населения.

Кого тут только не было! Беглые каторжники, воры-домушники, мазурики-карманники, коты тогдашней особенной формации, фальшивомонетчики.

У многих на коленях сидели женщины. Что это были за женщины! Обитательницы «малинника» из Вяземской лавры, молодые, средних лет и старые, они взвизгивали от чересчур откровенных ласк их обожателей.

– Ва-ажно, Криворотый! – стоял в воздухе адский хохот. – Ну-ка, ну-ка, хорошенько ее!

А Криворотый, саженный парень с опившимся лицом, зверски сжимал в своих объятиях какую-то молодую женщину.

– Ах, ловко! Ах, ловко!

– Ох, пусти! Ой, бесстыдник... – кричала женщина.

В другом месте делили дуван.

– Я тебе... голову раскрою бутылкой, коли ты со мной по-хорошему не поделишься!

– Молчи, проклятый! – хрипел голос. – Получай, что следует, пока кишки тебе не выпустил!

Сначала за общим гвалтом и дымом наше странное появление не было замечено многими.

Но вот мало-помалу мы сделались центром общего изумленного внимания.

– Эй, мошенник, шампанского сюда! – громко кричал Путилин, раскачиваясь из стороны в сторону.

Его роскошная соболья шуба запахнулась, на жилете виднелась чудовищно толстая золотая цепь.

Я с тревогой, сжимая ручку револьвера, следил за аборигенами этой вонючей ямы. Боже мой, каким алчным и страшным блеском горели их глаза!

Я стал прислушиваться.

– Что это за птицы прилетели?

– Диковинно что-то...

– А что, братцы, не сыщики ли это к нам пожаловали?

– А и то, похоже что-то...

– Вынимай скорей карты! – тихо шепнул мне Путилин.

Я быстро вытащил колоду карт.

– Ардальоша, сыграем партиюку? – громко проговорил я на всю страшную комнату.

– Д... д... давай! – заплетающимся языком ответил Путилин. И, выхватив из бокового кармана толстую пачку крупных кредиток, бросил ее на стол.

– Ваше сиятельство, отпустите нас! Извольте рассчитаться... Мы свои заплатили, – в голос пристали к Путилину «лакеи» от «Борея» – агенты сыскной полиции.

– Пошли вон, каналы! – пьяным жестом отмахнулся от них гениальный сыщик.

Теперь в «зале» воцарилась томительная тишина. Все повставали со своих мест и стали подходить к нашему столу.

Вид денег, и таких крупных, совсем ошеломил их. Только я стал сдавать карты, как Путилин пьяным голосом закричал:

– Н-не надо! Не хочу играть! Кралечку хочу какую ни на есть самую красивую! Нате, держите, честные господа-мазурики!

И он швырнул столпившимся ворами и преступникам несколько ассигнаций.

– Сию минуту, ваше сиятельство, прибудет расчудесная краля! – подобоострастно доложил рыжий содержатель вертепа-трактира. – Останетесь довольны!

Прошла секунда, и перед нами предстала красавица в буквальном смысле этого слова.

Когда она появилась, все почтительно почему-то расступились перед ней.

Это была героиня путилинского триумфа, среднего роста, роскошно сложенная женщина. Высокая упругая грудь. Широкие бедра. Роскошные синие, удивительно синие, глаза были опущены длинными черными ресницами. Красивый нос, ярко-красные губы, зубы ослепительной белизны. Из-под дорогого белого шелкового платка прихотливыми прядками спускались на прелестный белый лоб локоны.

Это была настоящая русская красавица, задорная, манящая, как-то невольно притягивающая к себе.

Она, насмешливо улыбаясь, подошла к Путилину.

– Ну, здравствуй, добрый молодец!

– Ах! – притворно всхлипнул Путилин.

Пьяно-сладострастная улыбка, блаженно-счастливая, осветила его лицо.

«Как гениально играет!» – невольно подумал я.

– Эй, рыжий пес, ну... ну, спасибо! Разодолжил! И взаправду чудесную к-кralю предоставил. На, лови сей момент сотенную! Эх, за такую красоту и сто тысяч отдать не жалко!

– А есть у тебя эти сто тысяч? – кладя свои руки на плечи Путилина, спросила красавица.

– На, смотри!

Путилин выхватил толстый бумажник и раскрыл его перед красавицей «Расставанья».

– Видишь? Ну все отдам за ласку твою!

Пьяный, гикающий вопль огласил вертеп.

– А вам, брат... братцы, тысячу пожертвую, помните, дескать, о купце Силе Парфеныче, который кралечку в смрадном месте отыскал!

Я не спускал взора ни с Путилина, ни с этой красавицы. Я видел, как Путилин быстро-быстро скользнул взглядом по ее рукам, на пальцах которых виднелись еле зажившие порезы. Видел я также, каким быстрым, как молния, взглядом обменялась красавица с тремя огромными субъектами в куртках и барашковых шапках.

– В... вот что, хозяин! – чуть качнувшись, выкрикнул Путилин. – Держи еще сотенную и угощай всех твоих с... гостей! Я сейчас с красавицей поеду. Эх, дорогая, как звать-то тебя?

– Аграфена! – сверкнула та плотоядными глазами.

– А я скоро вернусь. Часика этак через три, а может, и раньше. Поедешь со мной, Грунечка?

– Зачем ехать? Мы лучше пешком дойдем. Домишко мой убогий близко отсюда отстоит. Перины мягкие, пуховые, водочка сладкая есть... Эх, да раз, молодчик купец, сладко тебя пригрею! Заворожу тебя чарами моими, обовью руками тебя белыми, на грудях моих белых сладко уснешь ты.

– Га-га-га! Хо-хо-хо! – загремел страшный кабак-трактир.

– Ну что ж! Ехать так ехать! – воскликнул Путилин, грузно поднимаясь из-за стола.

Красавица Аграфена о чем-то тихо шепталась с двумя рослыми парнями с самой разбойничьей наружностью. Обрадованный даровым угощением кабак-притон ликовал.

Отовсюду неслись восторженные клики. Путилин сильным голосом запел:

Вот мчится троечка лихая
Вдоль по дороге столбовой...

И между словами песни удивительно ловко шепнул мне:

– Если они опоздают хоть на минуту, мы погибли.

– Кто «они»? – еле слышно проговорил я.

– Агенты и полицейские.

– Ну, в путь-дорожку! – пошла к выходу красавица Груня, пропуская впереди себя Путилина.

Меня словно осенило. Я подошел к ней и тихо ей шепнул:

– Возьми и меня с собою. Если я его обыграю, а обыграю я его наверняка, ты получишь от меня пять тысяч.

– Ладно!.. Идите с нами, господин хороший! – сверкнула она глазами.

– А вы здесь меня дожидаетесь! – отдал приказ подгулявший купчик-Путилин.

Этого маневра Путилина я не мог понять.

Но теперь уже поздно было спрашивать каких бы то ни было объяснений: с нас двоих «расстанная кралечка» не спускала острого наблюдательного взора.

Мы вышли на крыльцо разбойничьего вертепа.

Взглянули – и, должно быть, одновременно испытали одно и то же чувство ледящего ужаса.

Тройки не было, тройка исчезла!

Прежде чем я успел издать какой-либо звук, я почувствовал, как Путилин незаметным движением сильно сжал мою руку.

– А где же, где моя троечка, разлапушка?

«Расстанная» красотка расхохоталась.

– А я к дому моему направила ее. Тут домик мой ведь недалеко. Вот пройдем лесочком этим, свернем направо – там он и будет. Я так решила: лучше ты разгуляешься, коли пешочком пройдешься, хмель-то с тебя сойдет. А то на что ты похож? Ха-ха-ха!..

– Ах ты умница-разумница моя, – качнулся Путилин.

Мы свернули за угол.

Очевидно, что тройка здесь не проезжала: выпавший пушистый снег был девственно не тронут. Следов полозьев не было и в помине.

Путилин шел несколько впереди. За ним – красавица Аграфена, я – сзади нее.

Месяц светил всюду, заливая дивный пейзаж своим мертвенно-бледным, таинственно чудным светом.

Вдруг три огромные черные тени вырисовались на снегу.

Я быстро обернулся.

Сзади нас, прикрываясь ветвями придорожных елей, на расстоянии приблизительно саженой десяти тихо крались трое высоких мужчин.

Этого момента, господа, я не забуду никогда, до гробовой доски. Не хвастаясь, скажу, я не из трусливого десятка, но тут я почувствовал какой-то непреодолимый ужас. Вы должны представить себе, где все это происходило. Глухая, отдаленная пригородная местность. Кругом ни души. Только ели в снегу, только бесстрастный месяц. Позади – вертеп преступников, прямо по пятам – выслеживающие нас, как хищные звери, злодеи. Впереди – неведомая даль темного перелеска, где смерть, неумолимая смерть, казалось, уже заносила над нами свою дьявольскую косу!

«Что он сделал, что он сделал? – молнией пронеслось у меня в голове. – Как мог он, гениальный Иван Дмитриевич Путилин, так попасться?»

Я еще раз оглянулся назад и удивился: трех фигур уже не виднелось.

Зато я ясно увидел нечто неизмеримо более страшное и диковинное: *пушистая белая пелена снега как бы шевелилась все время*. Очевидно, кто-то полз под снегом.

Для меня вдруг стало все совершенно ясно. Очевидно, негодяи, кравшиеся за нами, сообразили, что я их заметил, и придумали этот хитрый маневр: бросились в глубокую канаву, наполненную снегом, и поползли под снегом.

Вдруг Путилин круто остановился.

В ту же секунду, испустив короткий крик, красавица Аграфена одним прыжком бросилась на него.

В руках ее сверкнул огромный нож, которым она взмахнула над шеей Путилина.

– Убирайте того! – громко крикнула она.

Из канавы, как белые привидения, выскочили трое разбойников, и два из них бросились на меня, а третий – на помощь к разбойнице.

Быстрее молнии я выхватил револьвер и выстрелил в негодяев.

Один из них с воем и хрипом раненого кабана грохнулся на снег.

Вслед за моим выстрелом, почти одновременно, гулко прокатился второй.

«Господи! Слава Богу! Стало быть, жив Путилин!» – пронизала меня радостная мысль.

Негодяй с ножом на меня наседал. Отстреливаясь от него, я обернулся и увидел такую картину: разбойник, бросившийся на помощь к своей страшной сообщнице, корчился на снегу, очевидно раненный, а Путилин с Груней катались по снегу в упорной, ожесточенной борьбе.

– Помогите, друг... Это не женщина, а дьявол! – хрипел Путилин.

– Отрежу! Сейчас отрежу твою поганую голову! – неистово-дико кричала страшная злодейка.

Я видел, как нож сверкал в воздухе и опускался на Путилина.

Не помня себя, я бросился к нему на помощь, но вдруг страшным ударом рыжего детины, по которому делал промахи, был сшиблен с ног.

– Попались дьяволы! – захрипел он.

Я закрыл глаза, приготовившись умереть.

– Держитесь! Напрягайте последние силы! – вдруг загремели голоса.

Я раскрыл глаза, потрясенный, недоумевающий, и увидел, как разбойник, уже заносивший над моим горлом нож, задрожал, выпустил меня из своих железных объятий и бросился бежать.

Я быстро вскочил на ноги, не веря произошедшему чуду: со всех сторон из леса к нам бежали полицейские и солдаты.

Груню отрывали от Путилина. Она так крепко и цепко впилась в него, что потребовались усилия нескольких полицейских, чтобы оторвать ее от моего друга.

– Ты жив? Не ранен? – подбежал я к нему.

– Кажется, не ранен! – хладнокровно проговорил Путилин.

– Ну и баба! – громко смеялись солдаты и полицейские, обрадованные, что мы живы. – Этакая силища!

Они крепко держали ее за руки. Красавица Аграфена вырывалась из их рук отчаянно. Она волочила за собою то в ту, то в другую сторону четырех здоровых мужчин!

– Ну, здравствуй, Грунечка! – подошел к ней Путилин. – Небось догадываешься, кто я? А? Я – тот самый, которому ты хотела отрезать двенадцатую голову.

– Постылый! Эх, жаль, сорвалось! – иступленно вырвалось у нее.

Лицо ее было страшно. Красивые глаза ее почти вышли из орбит и метали пламя какого-то животного бешенства.

– Ну, а теперь, господа, скорее, скорее к притону! Оцепите всю местность, да, кстати, подберите этих негодяев. Они, кажется, еще живы! А красавицу мою держите крепче!

Мы, сопровождаемые полицейскими и частью солдат, почти бегом бросились к кабаку-притону «Расставанье».

Он был темен, как могила!

– Где же мои агенты? Неужели негодяи убили их? – тревожно шепнул мне Путилин.

С револьверами в руках мы поднялись на крыльцо трактира. Ни луча света! Ни звука!

– Стойте здесь, молодцы! – приказал Путилин солдатам. – Охраняйте этот выход, а мы пойдем во двор.

Ворота были раскрыты настежь. Виднелись свежие следы полозьев троечных саней.

– Так и есть: они только что удрали на нашей тройке!

Мы принялись осматривать внутренность двора.

– Васюков, Герасимов! – громко кричал Путилин, обегая двор.

– Скорее! Скорее! На помощь! – вдруг раздались крики из темного вертепа.

Блеснул огонек. Он моментально стал разгораться в яркое пламя, и в ту секунду, когда мы ломились в заднюю дверь, чем-то забаррикадированную, в трактире уже бушевало море пламени.

Вдруг со звоном разлетелась оконная рама, и один за другим оттуда выскочили наши агенты.

– Живы? – радостно вырвалось у Путилина. – Говорите скорее, что там делается?

Агенты были в крови.

– При ваших выстрелах и при вашем приближении негодяи поняли, что все погибло. Часть их успела удрасть, а хозяин, быстро потушив лампы, заметался, как угорелый. Мы притаились за столами. Тогда, очевидно, хозяин и еще несколько оставшихся воров выплеснули керосин и зажгли его, чтобы, пользуясь суматохой пожара, спастись бегством.

Внутри домика все трещало.

– Сдавайтесь! – крикнул Путилин. – Вам не уйти, вы оцеплены. Сдавайтесь или вы сгорите!

Минута, другая... Наконец, задняя дверь распахнулась и из нее прямо в руки полицейским попало человек десять мрачных аборигенов страшного вертепа.

Наступало уже утро этой зловещей ночи, когда мы, разбитые, потрясенные, привезли, вернее, привели нашу славную добычу.

Только у заставы мы нашли подводы ломовых, на которые усадили пленных и сели сами. Путилин ликовал. Мы все горячо поздравляли его с блестящей победой.

Вся его шуба была в клочьях. Это красавица Груня во время борьбы располосовала ее своим страшным ножом.

Несмотря на ужасное утомление, Путилин сейчас же по прибытии приступил к ее допросу.

– Слушай, Аграфена, ты попалась. Запираться теперь поздно, глупо. Скажи, неужели это ты отрезала все одиннадцать голов?

– А тебе не все ли это равно? – дерзко ответила она, ни на йоту не смущаясь и хищно оскаливая свои ослепительно-белые зубы. – Что вот тебя не прирезала – про это жалею!

– Скажи, ты догадалась, что это я приехал к тебе в гости? – любопытствовал Путилин.

– А ты полагал *нас* провести? – цинично расхохоталась Груня.

– Ты что же – атаманша?

– Атаманша.

– Кто же твои сообщники? Предупреждаю тебя: если ты откровенно сознаешься во всем и выдашь твоих молодцов-удальцов, ты можешь рассчитывать на снисхождение суда.

– А если и не выдам, так дальше Сибири не угоните! – расхохоталась она. – А оттуда – эх, как легко убежать!

Я не буду рассказывать вам всех подробностей длинного, запутанного следствия. Главное мое внимание было сосредоточено, конечно, на яркой, поразительной личности атаманши-головорезки Груни.

Ни до, ни после этого мне не случилось видеть женщины, подобной ей. Это был действительно дьявол в женском образе.

Чтобы вырвать у нее признание, ее подвергли пытке: ей давали есть исключительно селедку и... ни капли воды.

Семь суток – чувствуете ли вы огромность этого срока? – она превозмогала страшную, мучительную жажду.

О, если бы вы видели, какими глазами глядела эта страшная преступница на Путилина!

Наконец она сдалась.

– Пить... Я все расскажу!.. – взмолилась она. И рассказала, выдав главарей шайки.

– На своем веку зарезала я, – показывала она с поразительным хладнокровием, – двадцать восемь человек. Мне это все равно, лишь бы ножик был удобный, острый – по руке. Сначала ткнешь в зашею, потом – р-раз! – кругом шейки, только хрящики захрустят. Эх, хорошо!

Никто не мог без содрогания слушать эту страшную исповедь.

Я, доктор, привычный ко всевозможным кровавым ужасам, бледнел.

Торжество Путилина, нашедшего этого изверга естества, было полное.

Ее судили и приговорили к бессрочной каторге.

Отравление миллионерши-наследницы

Голос сердца

Около двух часов дня в служебный кабинет Путилина курьером была подана визитная карточка. «Сергей Николаевич Беловодов» – стояло на ней.

– Попроси! – отдал приказ великий русский сыщик.

В кабинет походкой, изобличающей волнение, неловкость, смущение, вошел высокого роста красивый, изящный молодой человек лет двадцати пяти – двадцати шести.

В его фигуре, в манерах видна была хорошая порода.

– Чем могу служить? – обратился Путилин к вошедшему. – Прошу вас, – и он указал на кресло, стоящее у письменного стола.

Молодой человек сел, но, по-видимому, от волнения не мог в течение нескольких секунд проговорить ни слова.

Наконец, сделав над собой огромное усилие, он начал:

– Простите великодушно, что я позволяю себе отрывать вас от занятий... вообще беспокоить вас...

– Но вы ведь, господин Беловодов, явились ко мне по делу?

– Ах, если бы я мог наверняка знать, быть вполне уверенным, что по делу! – вырвалось у молодого человека.

Путилин несколько удивленно и очень пристально поглядел на странного визитера.

– Простите, я не вполне понимаю вас... Скажите, что привело вас ко мне?

– Ваша слава гениального сыщика и репутация гуманнейшего, добрейшего, сердечного человека.

Путилин мягко улыбнулся, наклонив свою характерную голову.

– Спасибо на добром слове, но... к кому же из «меня двоих»: к умному сыщику или к сердечному человеку – привела вас судьба?

– К вам двоим, monsieur Путилин. Я в глубоком отчаянии, и верьте, что вся моя надежда только на вас.

– В таком случае давайте поговорим. Расскажите ясно, подробно, в чем дело.

И Путилин, приняв свою любимую позу, приготовился слушать.

– Рядом с нашим именем Н-ской губернии находилось и находится до сих пор богатейшее имение Приселовых. Владельцем его являлся отставной гвардии ротмистр Петр Илларионович Приселов, человек женатый, имевший всего одну дочь Наталию. Жили они открыто, роскошно, богато. Мы водили домами самую дружескую хлеб-соль. Я был старше Наталии Приселовой ровно на пять лет.

Оба – подростки, мы были настоящими друзьями детства, играли, возились летом в великолепном парке, иногда даже дрались... Частенько до нас долетали отрывистые фразы из бесед наших родителей: «Эх, славная парочка! Впоследствии хорошо бы окрутить их». Вскоре, однако, посыпались несчастья. Скончалась от тифа мать Наташи, госпожа Приселова. Не прошло и года, как Наташа сделалась полусиротой, как вдруг новое горе обрушилось на ее бедную головку: на охоте ее отец, Петр Илларионович Приселов, опасно ранил себя выстрелом из ружья и через четыре дня, в тяжелых мучениях, скончался. Перед смертью он успел сделать духовное завещание такого рода: все свое состояние, движимое и недвижимое, он оставляет своей единственной дочери Наталии. Опекуном ее, и позже – попечителем, он назначает своего родного брата Николая Илларионовича Приселова. Наталия по окончании института должна

поселиться в доме дяди-опекуна. Все огромное состояние, свыше миллиона, она имеет право получить от опекуна-дяди не ранее или ее замужества, или достижения совершеннолетия.

В это время Наташа кончала Н-ский институт, я – Н-ское привилегированное учебное заведение. Сначала мы виделись довольно часто: на балах, в спектаклях-концертах. Детская дружба перешла мало-помалу в любовь. Мы полюбили друг друга со всей красотой и силой первой молодости.

Несколько времени тому назад Наталия Петровна, окончив институт, поселилась в доме опекуна-дяди. Я стал бывать там, но с каждым разом замечал, что опекун-дядя относится ко мне явно враждебно. Причина такой холодности для меня была совсем непонятна. Ведь ему отлично были известны те дружеские отношения, которые связывали наш дом с домом его погибшего брата. Дальше – больше, мне чрезвычайно тонко, но вместе с тем и чрезвычайно категорически дали понять, что мои дальнейшие посещения нежелательны. Для меня это было неожиданным ударом. За Наташей был учрежден удивительно бдительный надзор, так что нам очень часто не удавалось обменяться и двумя словами. Около нас неизменно кто-нибудь торчал. За последнее время я стал замечать, что Наташа выглядит совсем больной. Вялая, апатичная, она произвела на меня несколько раз впечатление человека, пораженного серьезным недугом... На мои вопросы, что с ней, она отвечала, что сама не знает, что с ней делается.

– Так, слабость... головокружение...

– Но отчего же, отчего же? – допытывался я, с мучительной тоской и тревогой вглядываясь в дорогие мне черты лица.

– Право, не знаю, милый... – тихо, чтобы никто не слышал, отвечала она.

А вот недели две тому назад, когда я приехал, меня прямо уже не приняли.

– По случаю болезни барышни никого не принимают, – проговорил лакей, захлопывая перед моим носом массивную дубовую дверь.

И в течение десяти дней я получал все тот же ответ... А вот сегодня я решил приехать к вам.

– С какой целью, мой бедный юный друг? – тихо спросил Путилин, заметив крупные слезы, катившиеся из глаз молодого человека.

– Потому что... потому что вчера мне пришла в голову мысль, может быть, и сумасшедшая, что мою невесту – пока еще только перед Богом...

И, близко наклонившись к великому сыщику, Беловодов что-то тихо прошептал.

Путилин отшатнулся от него, слегка побледнев.

– Почему вы это думаете? На чем основываете вы ваши подозрения?..

– Сам не знаю... сам не знаю... – с отчаянием вырвалось у молодого человека. – Какой-то таинственный голос мне шепчет.

– Этого мало, голубчик.

– Я сам чувствую это, но, однако, этот таинственный голос во мне так силен, что я сегодня утром почти было решил обратиться к властям с формальным заявлением моих твердых подозрений.

– И сделали бы непростительно и непоправимо опрометчивый шаг, который мог бы исковеркать всю вашу карьеру. Вы по образованию сами юрист. Разве вы не знаете, чем пахнет выдвижение такого обвинения лицу, пользующемуся видным общественным положением?

Путилин потер лоб ладонью и нервно прошелся по кабинету.

– Я очень рад за вас, голубчик, что вы обратились прежде ко мне. Откровенно говоря, все это дело меня очень заинтересовало, и я постараюсь сделать все, от меня зависящее. Скажите, сколько лет мадемуазель Приселовой?

– Двадцать.

– Точнее, точнее! Двадцать лет и сколько месяцев? Вернее: через сколько времени она вступает в совершеннолетие?

- До совершеннолетия ей осталось около полутора месяцев.
- Так... так. Скажите, из кого состоит семья дяди-опекуна?
- Он, еще далеко не старый, любящий широко пожить и пожуировать, и его сестра, старая дева, ханжа, принимающая монашек со всех монастырей России.
- Последний вопрос: вы не знаете, кто лечит больную? Какой врач?
- Совершенно случайно я узнал его фамилию. Это доктор Z.
- При этом имени Путилин вздрогнул и подался вперед.
- Кто? – спросил он в сильнейшем изумлении.
- Доктор Z., довольно известный.
- Путилин овладел собою и совершенно спокойно сказал молодому человеку:
- Отлично. Я берусь расследовать неофициально ваше дело. Ждите от меня уведомлений и пока не предпринимайте ровно ничего. Понимаете? Ровно ничего.

Я в роли пособника преступления

Я только что приехал после посещения больных и успел переодеться, как ко мне вошел мой знаменитый друг.

– Держу пари, что-нибудь новое, загадочно-необыкновенное? – шумно приветствовал я его. Лицо Путилина было угрюмо-сосредоточенное.

– Ты не ошибся. Важно – новое. И новизна заключается в том, что сегодня я приехал к тебе не как ближний друг-приятель, а скорее, как следователь-допросчик.

Я громко расхохотался, почувяв в этом один из тех бесчисленных шуточных трюков, на какие был таким большим мастером Путилин.

– Ого! В качестве кого же ты желаешь меня допрашивать: в качестве обвиняемого или в качестве свидетеля?..

– Скорее, в качестве первого... – невозмутимо ответил Путилин. – Ты не смейся и не воображай, что я шучу. Я говорю вполне серьезно.

Было в интонации моего друга нечто такое, что я сразу понял, что он действительно не шутит, а говорит правду. Глубоко заинтересованный, я выжидательно уставился на него.

– Скажи, пожалуйста, ты хорошо знаешь и помнишь всех своих больных, которых лечишь?

– Ну разумеется. Хотя их у меня порядочное количество, но я знаю и помню всех. Да, наконец, у меня есть мой помощник – записная книжка, в которую я заношу все, что касается их.

– Отлично. В таком случае ты должен знать и больную девицу Приселову?

– Ну конечно! – вырвалось у меня. – Вот уже две недели, что я лечу эту бедную прелестную молодую девушку.

– Положим, не бедную, а очень богатую, – бросил вскользь Путилин. – Скажи, пожалуйста, чем она больна? Что у нее за болезнь?

– В общих словах?

– Нет, пожалуйста, точный диагноз.

– Изволь. У нее припадки *histeriae magnaе*, то есть большой истерии.

– На почве чего?

– Ну, голубчик, тут причин немало. Прежде всего и главное – наследственность. Как сообщил мне ее дядя, весьма почтенный человек, его брат, то есть ее отец, страдал острой формой алкоголизма и последствиями тяжелой благоприобретенной болезни.

– Мне очень бы хотелось видеть эту сиротку-миллионершу... – задумчиво произнес Путилин. – Более того, мне это необходимо. Поэтому ты должен, доктор, устроить вот что: ты

повезешь меня в дом господина Приселова и представишь меня в качестве профессора-невропатолога, которого пригласил для консультации.

Я не без удивления задал вопрос Путилину:

– Признаюсь, ты меня удивляешь... Для чего тебе это надо, Иван Дмитриевич?

– Кто знает... – улыбнулся он. – Быть может, я окажусь более счастливым и мудрым врачом, чем ты, и скорее вылечу твою пациентку, если... если это только не поздно. – Последние слова он особенно подчеркнул. – Итак, ты можешь это устроить?

– Конечно, конечно, – ответил я, сильно озадаченный.

– То-то, доктор. А то я ведь могу тебя и арестовать, так как над тобой тяготеет сильное подозрение.

– Ты шутишь? – вырвалось у меня.

– Нимало. Говорю тебе, повторяю, совершенно серьезно.

– Раз ты вмешиваешься в это дело, стало быть, налицо должно являться что-нибудь криминальное?

– Боюсь, что да. Мне вот и надо прозондировать почву.

Мой гениальный друг рассказал мне о странном посещении его молодым человеком Беловодовым, о той сцене, которую вы уже знаете, господа.

– Что?! Отравление? – произнес я в сильнейшем недоумении.

– Да. Он подозревает, что его «невесту», как он называет мадемуазель Приселову, медленно отравляют.

– Но это вымысел, чистейший абсурд и фантазия! Я лечу ее и могу поручиться, что ни о каком отравлении не может быть и речи.

– Не знаю, не знаю... – задумчиво произнес Путилин.

– А тебе не приходит мысль, что этот господин Беловодов сам отравлен... душевным недугом?

– Очень может быть. Вот ввиду всего этого мне и надо осторожно расследовать дело. Мой долг пролить свет на это заявление. Когда мы можем сегодня поехать туда?

– Да когда хочешь. Я навещаю больную почти ежедневно.

– В таком случае я заеду к тебе через час-полтора.

И действительно, через полтора часа он приехал.

Но даю вам честное слово, я не узнал его! Передо мной стоял совсем другой человек.

Сгорбленный, в длинном черном сюртуке, опирающийся на трость с круглым золотым набалдашником. Волосы, обрамляющие большую лысину, торчали характерными вихрами, как у немецких профессоров – кабинетных ученых.

Грим поистине был великолепный, и я не мог удержаться от восклицания восторженного удивления.

– Ну-с, доктор, едем! Вези известного профессора к твоему доброму дядюшке. Кстати, сегодняшнюю ночь я хочу провести под его гостеприимной кровлей.

– Но как это устроить? – спросил я Путилина.

– Очень просто. Ты заявишь, что я хочу понаблюдать за больной в течение ночи-другой, а может быть, и третьей. Надеюсь, что в доме господина Приселова найдется комната для ночлега?

Путилин – профессор-невропатолог

Через полчаса мы входили с Путилиным в роскошную квартиру Приселовых.

В передней элегантный господин Приселов во фраке собирался уже облачаться в пальто.

При виде Путилина сильное изумление отразилось на его лице.

– А-а, доктор, добро пожаловать, – радушно проговорил он, смотря с недоумением на моего знаменитого друга.

– Позвольте вам представить, господин Приселов, моего старшего и уважаемого коллегу, профессора-невропатолога... Вишневецкого... – начал я, называя Путилина первой попавшей на ум фамилией. – Я пригласил его на консультацию, так как считаю болезнь вашей племянницы довольно сложным медицинским случаем.

Путилин и Приселов обменялись рукопожатием.

– Очень вам благодарен, доктор, за вашу любезность, но... разве действительно болезнь моей племянницы опасна?

– Не скрою, что случай довольно опасный. Силы больной тают с какой-то непонятной быстротой.

– Посмотрим, посмотрим... – потирая руки, проговорил Путилин, входя в залу. – А больная у себя? Она лежит, коллега?

– Сегодня она пробовала вставать, но вот недавно, почувствовав сильную слабость, легла, – поспешно ответил Приселов.

Мы втроем направились в комнату больной. В небольшой комнате, роскошно убранной, с массой мягкой мебели, ковров, на кровати лежала моя пациентка. Прелестная молодая девушка, нежная, была сегодня особенно бледна. Глаза горели особым блеском, синие круги окаймляли лентой эти широко раскрытые глаза.

– Ну, как мы чувствуем себя сегодня, милая барышня? – задал я мой обычный вопрос красавице-девушке.

– Очень плохо, доктор, – тихо слетело с бледных губ ее. – Все кружится голова, и сердце все замирает.

– Ничего, ничего, вот профессор, мой друг, поможет вам, барышня.

Путилин с видом заправского профессора подошел к больной.

Он взял ее за руку, вынул часы и стал следить за ударами пульса.

– Скажите, пожалуйста, мадемуазель, когда вы чувствуете себя особенно плохо?

– По утрам, профессор, – прошептала сиротка-миллионерша.

– Как спите вы ночь?

– С вечера я засыпаю спокойно, хорошо... Но среди ночи я просыпаюсь от какой-то свинцовой тяжести, которая душит мою грудь. Мне как бы не хватает воздуха. И воздух мне кажется особенно странным – густым... сладким...

– Он пахнет чем-нибудь, этот воздух?

– О да, да!.. Ах, этот ужасный запах! – стоном вырвалось у моей пациентки.

Она задрожала и в ужасе, закрыв лицо руками, забилась в истеричном плаче.

– Не надо, Наташа, не надо, – вкрадчиво-ласково обратился к племяннице дядюшка-опекун. Потом он тихо спросил «профессора» – Путилина:

– Что это, галлюцинация обоняния? Я в отчаянии, профессор... Доктор приписывает это истеричности моей бедной племянницы...

– Да, да... Кажется, мой коллега совершенно верно поставил диагноз, – так же тихо ответил Путилин.

Во все время этой сцены я не спускал глаз с его лица и лица Приселова.

Не знаю, почудилось мне или же это было на самом деле, но я видел, как злобная, ироническая усмешка скривила губы последнего. Видел я также, каким пристальным взглядом впивался Путилин в лицо дядюшки-опекуна.

«Тут, очевидно, кроется какая-то мрачная тайна», – проносилось у меня в голове.

– Ну, барышня, я вас скоро вылечу! – улыбнулся больной поощрительной улыбкой великий сыщик. – Скажите, вы испытываете чувство холода в конечностях рук и ног?

– О да, профессор... Под утро я покрываюсь вся холодным потом, руки и ноги немеют, мне кажется, что я умираю...

Через несколько минут мы были в зале. Лицо Путилина было важно-сосредоточенное.

– Вот что, господа, – обратился он ко мне и к хозяину дома Приселову, – у меня намечается мой диагноз болезни бедной девушки, но, для того чтобы поставить его окончательно, мне необходимо присутствовать при пароксизмах болезни. Поэтому я останусь сегодня всю ночь около больной.

– Но, профессор... будет ли с моей стороны удобным так злоупотреблять вашей бесконечной добротой и любезностью? – повернулся к «профессору» Приселов.

– Прошу вас не беспокоиться, – сухо ответил Путилин. – Ни о каком вознаграждении не может быть и речи. Я делаю это для моего коллеги, доктора Z., а также для торжества науки, которая нам, господин Приселов, дороже миллионов этой бедной девушки.

Смертельная бледность покрыла лицо дядюшки-опекуна.

– Я... я... тронут, профессор... Видит Бог, я так бы хотел, чтобы моя дорогая племянница скорей поправилась, – пробормотал он.

– У вас есть комната, смежная со спальней больной? Я с доктором должен провести там ночь, дабы несколько раз в течение ее следить за больной.

– О, конечно, конечно. Рядом маленькая гостиная. Я сейчас распоряжусь. Вы извините меня, я должен ехать в клуб.

– О, пожалуйста, не стесняйтесь. Вы не нужны нам.

И Путилин, слегка поклонившись, быстро направился к комнате больной.

– Отчего вы не предупредили меня, доктор, что вы намерены созывать консилиум? – обратился ко мне великолепный барин-опекун, надевая пальто.

– Это вышло несколько случайно, господин Приселов. Вчера из-за границы приехал мой друг, профессор, и я решил воспользоваться его авторитетным советом.

– Великолепно... очень вам благодарен... Я вернусь часов около двух ночи. Я распорядился, чтобы чай, ужин был сервирован вам там, где вы пожелаете. Ну, желаю от души, чтобы ваша знаменитость, вкупе с вами, облегчила страдания моей больной племянницы.

Ночь у одра погибающей

Мы сидели в гостиной мавританского стиля, только что окончив ужин.

– Скажи, пожалуйста, Иван Дмитриевич, что, собственно, подозреваешь ты тут? Уверяю тебя, как доктор, что об отравлении не может быть и речи. Рвота больной исследовалась три раза, и если бы там находилась хоть йота яда...

Путилин спокойно заметил:

– Кажется, я на этот раз попался на удочку. Но знаешь ведь мой характер – я люблю доводить дело до конца. Пойдем в спальню больной... Я хочу посмотреть, как она...

И мы несколько раз входили.

В углу горели лампы, бросавшие тихий, мирный свет на фигуру спящей девушки.

Ее прелестное личико, окаймленное прядями каштановых волос, было беспокойно... Губы шевелились, словно старались забрать как можно более воздуха.

Моментами из ее бурно подымавшейся груди вылетали тихие, подавленные стоны, бормотания:

– Душно... пустите меня... Господи... задыхаюсь... Ах!..

Бормотания переходили в громкий крик. Ее руки судорожно хватались за дорогое плюшевое одеяло, и она вдруг вскакивала с кровати, сейчас же опять бессильно опускаясь на нее.

– Этого ты никогда не наблюдал, доктор? – тихо спрашивал меня Путилин.

– Нет.

– Почему же?

– Да потому, что, когда я навещал ее, с ней ничего подобного не случилось.

– Плохой доктор... плохой доктор... – в раздумье произносил Путилин.

– Иван Дмитриевич! – вспыхнул я. – Может быть, ты желаешь преподавать мне медицину?

– И очень. Но... только судебную медицину, мой друг...

Было около двух часов ночи. Путилин обратился ко мне:

– Вот что, иди и спи. Я побуду около твоей пациентки вплоть до утра. Я вздремну в этом кресле.

Лишь только я собирался выйти из комнаты больной девушки, как в нее вошел Приселов.

Он был, видимо, слегка навеселе. От него несло сигарами и шампанским.

– Как, господа?! Вы не спите? Но, боже мой, дорогой профессор, такое ночное бдение может плохо отразиться на вашем здоровье...

– О, не беспокойтесь, господин Приселов, я привык бодрствовать у одра погибающих, – еле заметной усмешкой ответил Путилин. – Теперь я попрошу вас отсюда удалиться. Я должен следить за дыханием бедной девушки...

Приселов ушел. Ушел и я. Меня клонило ко сну, и я скоро погрузился в него, прикорнув на великолепной тахте.

Не спалось только Путилину.

Мрачнее тучи ходил он взад и вперед по спальне бедной девушки, над которой отвратительная старуха смерть уже заносила свою костлявую руку.

– Бедный ребенок! – вслух тихо шептал он. – Как мне спасти твою молодую жизнь?.. Для меня совершенно ясно, что я – лицом к лицу с самым гнусным, с самым подлым преступлением... И враги тут, бок о бок со мной. И тайна совершаемого злодеяния – вот здесь, в этой самой комнате, у меня перед глазами. О, какой это поистине дьявольский трагизм: сознавать смертельную опасность и не быть в силах немедленно ее отстранить, парализовать!

И он, нервно хрустя пальцами, подходил к постели сиротки-миллионерши.

На него глядело прелестное молодое лицо, искаженное мукой неведомых страданий. Моментами по нему молнией проносились судороги, грудь начинала особенно бурно подниматься, конвульсивные движения трогали руки и ноги, и из широко раскрытого рта с воспаленными губами вылетали хриплые бормотания-стоны:

– А-ах, душно мне.

Раз, когда Путилин близко наклонился над умирающей девушкой, она раскрыла глаза и поглядела на великого сыщика долгим жалобно-испуганным взглядом.

– Ну как, дитя мое, вы себя чувствуете? – спросил он.

– Я умираю. Я, наверное, скоро умру, – тихо слетело с ее уст.

– Нет, нет, вы не умрете, я спасу вас. – И этого взгляда, полного жалобной тоски, и этого шепота, в котором звенело столько затаенной грусти, Путилин, как он рассказывал мне позже, не мог забыть всю жизнь.

Больная опять впала в полукошмарное забытие. Холодное отчаяние охватило Путилина.

– Господи, да неужели мой чудесный дар раскрывать многое тайное изменит мне на этот раз? – опять зашептал он, взволнованно шагая по спальне, тускло озаренной светом лампад и крохотным огоньком ночника.

О, как ему мучительно хотелось быть на высоте своего исключительного таланта именно на этот раз! В его руках, только в его, находилась жизнь юного, молодого существа...

– Ужасно... ужасно... – хрипло вырвалось у него, и он бросился в кресло. – Ведь это не единственный случай в моей практике. Ведь напал же я на верный след страшного отравления старика мужа Никифорова его молодой женой.

И перед мысленным взором Путилина воскресло это темное дело, словно он раскрыл его только вчера. Воскресли образы, поплыли знакомые лица, фигуры этой мрачной житейской трагедии.

Богатый старик-откупщик Никифоров... Высокий, кряжистый, с некрасивой, почти безобразной головой. На шестом десятке, вдовец, вдруг безумно влюбился в молоденькую красавицу девушку из семьи бедного мещанина Федосью Тимофеевну.

Краля была девица – что и говорить. Высокая, кровь с молоком, походка – лебединая, брови – соболиные, глаза – искрометные. Деньги что не делают? – повенчались.

– Я уж тебя ни в чем стеснять не буду, раскрасавица ты моя! – захлебывался в экстазе последней старческой любви старик-миллионер.

– Ни в чем? – сверкала глазами мещанская дочь-красавица.

Но это уверение было только до свадьбы. Лишь только окружились, старик из тихого голубя обратился в лютого волка. Он начал ревновать свою пышную жену до безумия, до болезненного уродства. Уходя куда-нибудь, он запирали ее в роскошном доме на ключ, на «крепкие запоры». Прошло около года. И вдруг старик заболел. Болезнь была диковинно-страшная: день-два – здоров, потом – рвота, мучительные колотья в кишках. Половина медицинского Петербурга перебивалась у экс-откупщика. Доктора взапуски, утирая нос друг другу, старались поставить верный диагноз, дабы сорвать солидный гонорар за исцеление миллионера.

– Вылечите! Ничего не пожалею!.. Бери сколько хошь тыщ! – умолял старик-муж, мучающийся втрое: и физической болью, и ревностью, и сознанием, что он пасует перед молодой женой.

Это была тяжелая картина... Глаза старика вылезали из орбит, он судорожно хватался за руки докторов. Но, увы, ничего не помогало. Страдания все усиливались и усиливались, доктора теряли голову, ничего не понимая.

Случайно ему, Путилину, довелось услышать о страшной болезни Никифорова. Сильно заинтересованный, он учредил негласный надзор над семейством, домом миллионера.

– Да, да, я помню, что у меня мелькнула мысль, не отравляют ли старика каким-нибудь особенным образом, – вслух прошептал великий сыщик.

Он встал с кресла и прошелся по комнате больной девушки. Что это с ним? Как тяжелы и холодны его ноги, каким неровным биением бьется его сердце, какое сильное стеснение в груди!..

Да, так о чем думал он сейчас? Ах, вот, о старике миллионере. Ну, он и принялся за свое исследование.

После целого ряда розысков ему удалось узнать, что у молодой красавицы купчихи имеется зазноба в лице красавца, молодого мануфактуриста Холщевникова. Это еще более усилило его подозрения об отравлении мужа-старика.

– Да, да, тогда я безошибочно начал выводить мою кривую, – шепчет Путилин, с удивлением замечая, что его недомогание все усиливается и усиливается.

Так же вот, как и теперь, врачи категорически отрицали возможность отравления, приписывая лютую болезнь старика припадкам острого хронического катара. Но он верил в свой орлиный взгляд, в свой поразительный нюх гения-сыщика. И вспоминается ему эта ночь, когда он спас несчастного старика миллионера. Он, спрятавшись за тяжелую портьеру спальни, провел всю ночь на ногах, не спуская глаз с кровати больного. Старик минутами охал, минутами, когда боли стихали, все звал свою ненаглядную супругу Федосью Тимофеевну.

И она входила, здоровая, сильная, блестящая какой-то плотоядной красотой. С дрожью безразличности и с выражением ненависти в красивых глазах подходила она к своему мужу.

– Ну, что тебе? Опять все охаешь? – чуть заметно усмехалась она. – Ах ты, а еще молодую жену имеешь.

Эти слова приводили старика в необычайное волнение и в состояние как бы бешенства. Он иступленно схватывал красавицу жену за руки и притягивал ее к себе.

– Фенечка, лебедка моя... Пстой, скоро поправлюсь, – раздавался его хриплый шепот.

– Поправишься! – насмешливо бросала она, отстраняясь от старика-мужа. – Как же ты поправишься, когда ты почти ничего не ешь? Ты докторов-то умников поменьше слушай, а ешь побольше, вот тогда скорее оправишься, в силу войдешь. Хочешь, я тебе кашки на курином бульоне принесу?

– Хочу, хочу, неси, – с невыразимой нежностью глядя на молодую жену, отвечал Никифоров.

И она приносила свою «кашку» и сама кормила его. Как эта трогательная заботливость мало гармонировала с дьявольской усмешкой ее грубо чувственного рта!..

– Колет... ой, что-то колет, Фенечка! – жаловался старик муж.

– Это у тебя в горле что-нибудь, – успокаивала она его. – Ну, а теперь спи! До утра я больше уж не приду. Сморилась я.

И вот когда она ушла, забыв на ночном столике тарелку со своей «кашкой на курином бульоне», он вышел из своей засады и подошел к кровати больного старика. Тот при виде его испустил подавленный крик ужаса.

– Вор... тать ночной! Господи, кто это ты?... – заметался в ужасе старик.

– Ради бога, Никифоров, не бойтесь меня! Я не враг ваш, а друг ваш, явившийся спасти вас. Я – Путилин. У меня мелькает мысль, что вас медленно отравляют. Я хочу спасти вас.

– Отравляют? Меня? Кто?... – схватил он за руку его, Путилина. Глаза его были широко раскрыты от ужаса.

– А вот это я скоро узнаю.

И вот ему вспоминается, с какой трепетной жадностью он принялся в тишине ночи за исследование этой каши. Крик радости вырвался из его груди. Так и есть, так и есть: он не ошибся!

В каше он нашел кусочки истолченного стекла и мелко разрезанной острой свиной щетины, как бы из твердой головной щетки.

– Видите это? – показал он страшную примесь старику миллионеру.

Лицо того исказилось смертельным ужасом.

– Господи, кто ж это? Кто ж злодей-то?

– Вы хотите, чтобы я показал вам этого изверга?

– Хочу, хочу, родной, благодетель мой.

И вот эти шаги, шелест шелковой юбки... Должно быть, вспомнив о том, что «кашка» осталась на столе, в спальню торопливо вошла молодая жена-красавица.

– Ну, как ты? – начала было она и вдруг замерла при виде неизвестно откуда взявшегося постороннего человека.

– Ваша кашка, сударыня, приготовлена чудесно! И давно вы ею кормите вашего супруга?

Крик, полный животного страха, прокатился по спальне старика, и красавица грохнулась навзничь.

– Вот кто отравитель ваш, бедный господин Никифоров: ваша собственная жена.

Путилин при воспоминании об этом порывисто вскочил с кресла, но покачнувшись, зашатался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.